
Тёмное Фэнтези

Обречённые Души

*Книга II
Паутина Интриг*

*Манвэдэит Ум Ёфнум Анси
У всех имеется цена*

Сергей Шипов

16+

Сергей Шипов

**Обречённые души:
Книга II. Паутина Интриг**

«Автор»

2019

Шипов С. С.

Обречённые души: Книга II. Паутина Интриг / С. С. Шипов —
«Автор», 2019

Среди людей царит разлад. Назревает война. Король северного королевства Сноуглэйд Форас Фрост набирает войско и собирается выступить на Форлианд через Вэтфэльд. Король Северного Форлианда скончался, не оставив наследника. Начинается борьба за престол, претендентов разрывают разногласия, а некогда связанные союзными хартиями с Вэйтстоуном герцогства отрекаются от подданства и начинают свою политическую игру. Каждый плетёт паутину интриг, чтобы обеспечить себе место под солнцем, но никому нет дела до сторонних мистических сил. Духи магического микромира Аркдэн неотступно бьются за обладание внешним миром, используя в качестве своего орудия сверхъестественных существ, чьи судьбы тесно сплетены.

© Шипов С. С., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог.	5
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Пролог.

Есть вещи, кои испокон веков не меняются и не исчезают. Они являются неотъемлемой частью круговорота жизни и смерти. Одной из этих вещей, как бы печально это не звучало, является война. Едва зазвучав на устах, это слово повергает в ужас и заставляет душу трепетать, особенно у тех, кто вкусил ядовитые плоды этого бушующего кошмара, увечающего отчаянием рассудок и лишаящего частичек человечности.

К великому несчастью, войны, точно неутомимые и ненасытные всадники смерти не переставали преследовать Эридэн с тех самых пор, как на нём была сотворена жизнь. Так последняя кровопролитнейшая война в истории, потрясшая вторую эпоху, закончилась триста пятьдесят лет назад на Обсидиановых пустошах близ вулкана Тадос (в дальнейшем именуемые «Тадосские Клыки» из-за изогнутых, как зубы хищников, обсидиановых шпилей). Арклы (на Тардэне наречённые людьми «Демоны»), вновь были запечатаны в своём мире, и какое-то время потусторонние силы не вмешивались в круговерть времени Эридэна.

Изгнанные с Фальдэна ликирианские эльфы (или серокожие, а в народе «тёмные») по вине их жадного властолюбивого правителя Каагрэла, завладевшего силой Драконьих доспехов (некогда принадлежавших Дэрэгрусу – могущественному богу войны) и мечом «Сокрушителем Драконов» (ранее известный, как «Алый Крушитель»), были вынуждены искать приют по соседству с людьми и акари. Ненавистная и презираемая и теми и другими, раса основала поселения, а впоследствии города в западной части Обсидиановых пустошей, на южной окраине Черной Пустыни и на северной, в Степных землях Альтис-Нуир, с незапамятных времён принадлежавших племенам Зверолюдей(Варийцев). Через какое-то время непримиримая вражда к ликирианцам ослабла, и на новых землях эльфы продолжили развивать своё ремесло, в коем им не было равных, и преподносить его другим народам. А ремеслом их было – убийство. А поскольку череда распрей между людьми не покидала Ардор, это стало отличной почвой, для процветания этого тёмного дорогостоящего искусства.

Вскоре погиб последний потомок прославленного императора Эмиуса Ардора, долгое время не только объединявшего воюющие земли людей, но и примирявшего их с эльфами, избегая ненужных кровавых раздоров.

В конце концов, Ардор – некогда великая независимая империя, занимавшая большую часть материка и контролировавшая междуособицы акари и ликирианцев, раскололась на два огромных королевства с новыми строгими порядками и законами: Южное – Альвионию и Северное – Тавринию. Вскоре внутренние противоречия в новых государствах раздробили их ещё на несколько самостоятельных держав. Альвионию на – Альтэрос и Тэмербн или Тамеркрос, а Тавринию – на Фбрлианд, Вэтфэльд, Вудвельд и Снбуглэйд.

Единовластный правитель Форлианда Томад Тронэр скончался, и его место должны занять его супруга Фаретра и его племянник Кромат Тронэр, к коему вдова всем сердцем питает отвращение и презрение. Как выяснилось, на похоронах короля Томада всех правителей северных и южных земель заботит лишь одно – престол в Вэйтстоун. Больше всего это волнует правителя Фивисвэйла Нокта Бэллуса, чей город был столицей до тех пор, пока не окончилась война с Безумным Фростом, из-за чьей паранойи, порождённой алчностью и властолюбием, Тавриния была разорвана, точно лоскут ткани, на четыре крупных державы. Сын этого спятившего императора – король с бунтарским нравом Дэриан Фрост, правитель Сноуглэйд – северных земель Ардора, изрезанных горами и скованных мерзлотой, отказался уплачивать дань Альвионии – победителям в войне. За это Форлианд и союзный с ним, но обычно находящийся в тени, Вэтфэльд отказались знаться с непокорным надменным севером. Форас Фрост – правнук Дэриана Фроста, видя упадок своей державы и предчувствуя её скорую гибель, начинает всё чаще размышлять о военной компании. Он узнает от своего старого друга Ролана Глэйда –

генерала Старстоуна, намерения Фаргоса Брогура – короля Вэтфэлда (тот желает расширить свои северные границы, завоевав южные плодородные земли Сноуглэйд), и сомнений в решении короля севера остаётся всё меньше. Фрост, к своей удаче, не так давно отыскал гробницу великого воина Кальтэр Колда, победившего ужасного ледяного дракона мечом титана Тандриэла, по легенде выкованным из молний. Как оказалось, клинок «Тандэрколд» покоился с останками его второго владельца. Отыскав это магическое оружие и показав его Ролану Глэйду, король Сноуглэйд решает выступить войной на своих южных соседей, заручившись поддержкой Кальхейма – страны на западе, известной в истории нападением пиратов на торговые суда и грабежами на незащищённые поселения Ардора. Тем временем, его друг генерал Ролан Глэйд пребывает в Старстоун – столицу Вэтфэлда, где у него происходит конфликт с его правителем. Сын Фаргоса Брогура – самовлюблённый юноша Бахорн, получив отказ от Флёр Тронэр и пригрозивший войной её мачехе Фаретре, подслушал разговор отца с Глэйдом и решает объединиться с генералом. Заносчивый злопамятный принц обещает Глэйду военную помощь армии Фроста, взамен на возмездие и на помощь свергнуть отца с престола. Фаргос Брогур находит смерть на охоте от лап медведицы, не без помощи сына, конечно же. После этого Бахорн полноправно восседает на трон, начиная, тем самым, развязывать клубок войны.

Тем временем, в столице Южного Форлианда, в городе Сильвербридж, охотник Тайрис находит мешочек с изумрудами, за которыми давно охотятся знатный купец Биеруш и капитан городской стражи Дэкрий. Тайрис, защищая честь своей возлюбленной, опрометчиво нападает на купца Биеруша, что едва не привело его к смерти, если бы, не его старшая сестра Сибэль. Однако всех троих ловит стража, и их обвиняют в разбойном нападении. Дэкрий шантажом заставляет Тайрису принести ему изумруды на блюдечке. Биеруш отправляет одного из своих громил проследить за Тайрисом и выбить информацию о драгоценных камнях. Однако мужчина из секретной гильдии, знававший отца Тайрису и охранявший эти изумруды, помог охотнику убить бандита и посоветовал ни при каких обстоятельствах не отдавать их. Этот же таинственный незнакомец ссорит Дэкрю и Биеруша, теперь кровавых распрей в Сильвербридж не избежать.

Однако миру грозит большая беда, ширящаяся как ночная чернота и поглощающая весь свет на своём пути. Правда, людям опасность эта неведома, ведь их заботят свои междоусобицы. Но есть у Эридэна бесстрашный заступник, тайно борющийся с тёмными силами. Имя ему Дэрд Альдиэро Кальтстэрий в кругах демонов известного, как Дэрдшэлд, сын Колдшэлда – единственного демона сумевшего нарушить запретные границы вселенных и явиться в мир живых существ. Некогда отрёкшийся от своего истинного имени, полудемон получеловек Даридий, долгое время бродил по миру, уничтожая самых разнообразных существ и защищая нуждающихся. И вот путь приводит его в Вилдфорт, где он встречается со своим давним заклятым врагом, давно считавшего поверженным. Теперь, известный как некромант Ликтэрий, тёмный чародей, из-за чьих козней погибла любовь Даридия, сколачивает небольшую армию «мертвяков» – мертвецов-марионеток во главе с несколькими големами, надеясь получить от полудемона его чудодейственную кровь. В тяжёлой схватке Даридий освобождает свою демоническую сущность, что так упорно сдерживал всю свою жизнь, в итоге это помогает одолеть Ликтэрия и нарушить его планы, однако вырвавшееся облако тьмы из груди поверженного врага лишает победителя чувств. Неделю Даридий пролежал в кленовом лесу без чувств, а в Вилдфорте его уже посчитали мёртвым, но страшный сон вернул полудемона к жизни. Пробуждённая древняя сила демонов начинает всячески рваться наружу и овладевать разумом Даридия. Она заставила владельца нарушить его клятву – во чтобы то не стало не убивать людей. Сначала Даридий убивает стражников, стремившихся изнасиловать деревенскую девушку. Потом полудемон является в замок барона Нумериса – правителя Вилдфорта, и, узнав то, что он был в сговоре с Ликтэрием, в порывах неудержимой ярости перерезает ему горло, а после убийце приходится пробиваться через заслон стражи, дабы покинуть поме-

стье феодала. Как только Вилдфорт остаётся за спиной, Даридий направляет своего вороного коня на юго-запад к хребтам Кханто, через которые тянулись ленты нескольких небольших речушек. Выехав из поселения на запад в сторону Риверглэйд, полудемон попадает в волшебную долину, куда его привлекли очаровывающие сияния ночных бабочек и странный голос, внезапно зазвучавший в его сознании. Древний могущественный артефакт, водружённый на высокий узорчатый камень, утерянный несколько десятков сотен лет назад, хорошо охранялся. Могущественный костяной страж изрубил бы Даридия на куски, если бы, точно материализовавшись из ночной темноты, не появился его старший брат Ашэлд, бесследно пропавший после раскола Тавринии. Между братьями состоялся разговор, в котором выяснилось, что Ашэлд собирается уничтожить привычный мир, вновь выпустив демонов и их несметные легионы наружу. Даридий же никоим образом не оправдывает бессердечное варварство своего кровного родственника, обвиняя его в безумии. Ашэлд в ярости взлетает с места и исчезает в ночи, а его брат находит таинственный артефакт, в пылу сражения закатившийся под груды тлена. Это был серый сферический булыжник, на котором едва заметно поблёскивали сизым и изумрудным светом руны. Даридий отыскал среди костей и камней старую потрёпанную сумку, в которую и положил необычный шар. Гудящий демонический голос повелел принести сферу к озеру Таусхэт в полдень. И больше полудемон ничего не слышал. Тогда он выбрался из долины, вскочил на своего коня и последовал словам этой странной магии, каким-то непонятным образом вторгшейся в сознание.

Глава 1

Была обычная капризная осенняя пора. Несмолкаемый ливень с заката и до самого рассвета заливал восточные земли Форлианда. Всю ночь неугомонный бешеный ветер, то отчаянно метался среди исполинских вековых дубов, то старательно гнул тонкие кленовые ветви, при этом ломая старые и отсыревшие. К утру стихнувший ураган лишь шаловливо пробежал по верхушкам пожухлой травы и обрывал листья с промозглой кроны дремучих широколиственных лесов, охранявших подножие гор Кальдэр. Цепочкой каменных сабель они вздымались к непроницаемой для солнца плотной седой вуали, заслонявшей небосвод. Время от времени, пепельно-свинцовые ленты мрака, сгущаясь, напоздали на эту белую пелену, а вскоре растворялись, оставляя от себя отравляющую темноту.

К полудню утомительный гомон ливня переменился на кроткий шёпот. В это время по размытой дороге, обрамлявшей кленовую чашу, подгоняемая темноволосям всадником, стремительно мчалась лошадь, цвета вороного крыла. Из-под её копыт навстречу развевавшемуся чёрному плащу наездника вырывались комья грязи.

Наконец освободившись от назойливых колких капель дождя, мужчина свернул в сторону леса и остановил уставшего коня на отвесной круче, в сырой дернине которой увязали ноги. Даридий внимательно осмотрелся вокруг: под обрывом расстился песчаный берег, возле которого бурливым мутным потоком извивалась река Кельви. За ней возвышалась, с прижатыми густыми травами, крутая опушка, плавно поднимавшаяся к стене пушистого ельника, из густых зарослей которого, изливался шумный речной поток. Заприметив место для подъёма, мужчина подошёл к коню и принялся развязывать седельный мешок. Выложив из него потрёпанную замшевую сумку, лук с колчаном стрел и меч, надёжно завёрнутый в серую ткань, Даридий быстро перекусил небольшим куском сушеного мяса и парой ржаных сухарей, размоченных водой из фляжки. Затем охотник покормил коня последними запасами еды и завязал опустевший мешок. Перекинув сумку через плечо и взяв в левую руку свёрток с мечом и луком, он заботливо погладил своего скакуна по гриве, после чего начал торопливо спускаться с обрыва к воде.

Приток Кельви заманчиво уводил Даридия в глубь мрачного глухого ельника, который вскоре начал сменяться душистым кленовником. Мужчина осторожно поднимался по скользкой глинистой лесной тропинке. Наконец, добравшись до того места, откуда сбегал к подножию склона бурный поток, Дэрд остановился, изумлённый красотой этих мест. Перед ним, словно хрустальный щит, блистало тихое озеро Таухсэт. На его зеркально-чистой глади отчетливо прослеживались солнечные переливы, как будто бы лучи восходили со дна. Над прозрачной водой склонили свои зелёные руки огромные папоротники. Даридий аккуратно наступал на сырую дернину, пробираясь через заслон кустарников к озеру. Вдруг по ветвям клёна, сорвав с листьев капли дождя, просвистел ветер. За ним последовал странный еле различимый призрачный шёпот. Даридий, обеспокоенный подобным явлением, сбросил с головы капюшон и пристально осмотрелся по сторонам.

– Не пытайся отыскать меня! – грозно прозвучал притуплённый мистическим металлическим гулом демонический голос.

– Кто ты такой, покажись! – потребовал Дэрд, продолжая крутиться на месте в тщетном поиске незнакомца. В ответ мужчина услышал нарастающий надменный смех, плавно растворяющийся в оглушающем металлическом шуме.

– Прекрати! – рассерженно крикнул Даридий, устремив раздражённый взгляд на озеро.

– Твои попытки тщетны, Дэрд Альдиэро! Не пытайся найти то, что скрыто от твоих глаз, – ответил призрачный голос.

– Откуда тебе известно моё имя? Что тебе нужно от меня?! – поинтересовался мужчина.

– От тебя? – прозвучал задорный демонический смешок. – А разве не тебе ли нужна помощь?

– Помощь?! Сначала скажи кто ты такой, почему прячешься и так подозрительно бросаешься словами о помощи! – требовательным тоном произнёс Даридий.

– Слишком много вопросов! – сердито прогремел голос. Дэрд скорчил в болезненной муке лицо, схватившись обеими руками за виски. Через некоторое время странная боль, неожиданно возникшая из неоткуда, так же неожиданно исчезла.

– Если ты ещё не понял, я готов оказать тебе услугу, но, в свою очередь, ты должен будешь помочь мне, – соблазнительно предложил голос.

– А откуда мне знать, что ты меня не дуришь?! – возмутился Даридий. – Слишком уж странна наша встреча, – промелькнуло у него в голове.

– Один ты не в силах совладать с мощью своего брата! Ашэлд погубит всё живое в этом мире, если ты не освободишь меня из заточения!

– Уже требуешь освободить тебя?! – потрясённо переспросил Дэрд, продолжая перескакивать взглядом с кроны на крону в надежде отыскать проказника.

– Полудемон! – будто раскат грома, прозвучал демонический рёв, отчего мужчину перекоробило. Дэрд схватился обеими руками за голову, терпя ноющую невыносимую боль в висках. В ушах звук перемешивался с призрачными шепотами, голосами и криками, сводящими с ума.

– Хорошенько подумай, что стоит на кону? – озадачил Даридия призрачный голос, горя нетерпением. Даридий тут же переменялся в настроении. Губы его содрогнулись, и полудемон в течении нескольких томительных минут искал ответ, ретиво перебирая все нити мыслей. Наконец, мужчина, оценив свои шансы в грядущей войне, осознал ценность заманчивого предложения и решил рискнуть, до последнего не веря в эту нелепую сделку с непонятно чем.

– Услуга за услугу, значит, ... так и быть, предположим, я готов освободить тебя? – неохотно согласился Дэрд.

– На дне этого озера находится сундук, в котором запечатаны скрижали, способные вернуть меня в этот мир, – пояснил призрачный голос.

– Только посмей меня обмануть! – угрожающе предупредил Даридий, но к этому времени мистический собеседник уже прервал мысленную связь.

Даридий сбросил на землю сумку, ножны, плащ, стальной наплечник и наручи, рубаху и теснившие ноги сапоги. Однако, после некоторого времени раздумий, вызванных точащими душу сомнениями, с кинжалами расставаться Дэрд не решился, а потому надёжно припрятал их за пояс.

– «Наверное, я обезумел, коль подчиняюсь просьбам непонятно чего», – неспешно ступая по мягкому песчаному дну, размышлял полудемон. – «Стоит быть начеку, это явно какая-то хитроумная уловка, не случайно этот шёпот явился в той долине. И тот страж непросто так там оказался, магический столб, таинственная сфера, всё это слишком подозрительно».

Оказавшись по пояс в воде, мужчина прервал поток раздумий и поплыл к центру озера, где, задержав дыхание, нырнул. Сначала Даридий подумал, что глаза его обманывают, ведь вместо песчаного дна перед ним открылась мрачная пучина. Зеркально-чистая вода неожиданно стала мутной и солёной. Дна не было видно, как не было видно вообще ничего, кроме незыблемой темноты. Соль резала глаза и покалывала кожу, а мрак давал пищу сомнениям. Но это не позволяло поселиться трепету в душе Дэрда и сбить его с пути. Он погружался всё глубже и глубже. И вот свет за спиной окончательно померк – полудемона поглотила непроглядная мгла. Вода становилась всё грязнее, а ноздри теребил навязчивый запах тлена. Какое-то время Даридий безуспешно пытался достичь дна. И когда надежда начала его покидать, он неожиданно для самого себя нащупал руками донные камни. Крупицы песка, словно по волшебству, поднимались со дна и зависали в воздухе.

– Не нравится мне всё это, – подумал про себя Даридий, переплывая от камня к камню. Неожиданно полудемон наткнулся ладонью на какой-то странный предмет, похожий на обломанную кость. Кровь лёгкой исчезающей дымкой взвилась в мерклой воде. Другой рукой Дэрд нащупал человеческий череп. Внезапные находки насторожили мужчину. Тогда он отпрянул от камней и, закрыв разъедаемые солью глаза, начал всплывать. Однако неожиданно слух Даридия приковал странный мелодичный девичий голос, издаваемый со всех сторон невидимыми существами. Они стремительно приближались. Полудемон чувствовал их, но оставался на месте, очарованный изумительной успокаивающей мелодией. Вскоре охотник ощутил прикосновение нежных рук, которое заставило впустить в душу умиротворение. Желание поднять веки не возникало, как и желания освободиться от коварных пут чародейской музыки. Ледяные губы коснулись шеи мужчины, а таинственный напев был так чудесен, что вскоре безмятежность, в которой пребывал Даридий, окончательно сковала его сердце. Мускулы немели. Тело, будто бы налитое свинцом, медленно опускалось на дно, а вокруг кружились прекрасные рыжеволосые русалки. Они ласкали холодными прикосновениями дланей и губ парализованную грудь своей жертвы. Дэрд не замечал уже того, что вокруг него тихо ступает смерть, а озёрное дно становится его могилой. Он пребывал в незыблемой тюрьме беспрестанного удовольствия. Девы-русалки кружились над своей добычей и неугомонно тянули свою сладкую смертоносную мелодию, упоённо разбавляемую кокетливым смехом. Однако неожиданно среди пустот разума Даридия прозвучал далёкий эфемерный крик. Он, точно луч света, пронзил затуманенный рассудок. Глаза полудемона задёрнулись. Следом прозвучал едва разборчивый тревожный голос:

– Очнись! Очнись немедленно! – звучал призыв. Дэрд шевельнул рукой. Парализованное тело неспешно оживало. Русалки заволновались. И когда их жертва открыла глаза, они, как стая голодных гиен, набросились на неё. Охотник испытывал жуткую боль всякий раз, когда пилоподобные зубы жадно вонзались в размягчённую плоть. Очаровательные русалки оказались всего лишь иллюзией. Их истинный облик внушал трепетный ужас. Длинные волосы были схожи со щупальцами медуз, впалые перламутровые глаза, словно населённые туманом, вселили пронзающий душу страх. По горбатой, покрытой чешуёй, спине от шеи до рыбьего хвоста тянулись костяные шипы. Возле сморщенной обвисшей груди, под сухими костяными руками, зияли крупные жаберные щели, точно раны, оставленные секирой. На оттопыренных локтях шевелились плавники.

Корявые когти на длинных перепончатых пальцах разрывали мясо, образуя щиплющие от соли раны. Чудовища проворно извивались и глумились над Даридием, озлобленно шипя, как змеи. Языком, похожим на кисточку, безгубые существа упоённо слизывали вытекавшую из порезов и ран кровь. Дикий надломленный шипящий рёв невыносимо резал слух. Дэрд изо всех сил сдерживал себя, чтобы не раскрыть рта и закричать от мучительной боли. Силы покидали изнеможённое изрезанное когтями и искусанное зубами тело. Одно из чудовищ прильнуло к своей жертве и своим мерзким длинным языком, мерцающим желчно-зелёным светом, пыталось проникнуть Дэрду в рот. Полудемон всячески отбивался и качал головой из стороны в сторону, стараясь увернуться от юркой, будто бы живой, кисточки. В ответ чудовище яростно вцепилось пилоподобными зубами жертве в шею. С каждой секундой хватка становилась всё крепче и крепче. Мужчина начал задыхаться, но по-прежнему плотно смыкал челюсти. Тогда все остальные чудовища вонзили зубы в израненное кровоточащее тело жертвы.

– Уничтожь их! – грозно прозвучал отдалённый фантомный голос в глубинах сознания.

Внезапно глаза Даридия запыхали огнём. Полудемон яростно зарычал и кинул разъярённый взгляд на кровожадных чудовищ. Мгновение – и от тела Дэрда во все стороны с неистовой силой распространилась волна обжигающего кипятка. Чудовищ отбросило в стороны, покрыв их нежную слизистую кожу язвенными ожогами. Не теряя времени, мужчина начал всплывать с мрачного дна. Однако у шипевших и вопивших монстров волна кипятка

не отбила стремления насытиться кровью, и они бешено ринулись за ускользающей добычей. Настигнув её, чудовища вновь принялись вонзять когти и зубы в тело Даридия, стараясь тем самым утянуть на дно. Тогда полудемон, едва освободив руку из мерзких объятий, выхватил из-за пояса кинжал и хладнокровно вонзил его в горло одной из озёрных тварей. Чёрная, как чернила, кровь брызнула из смертельной раны, образовав непроглядное мрачное облако. Чудовища тут же отпустили Дэрда и алчно вцепились в перерезанное горло озёрной ведьмы. Ужасный вопль, раздираемой на части добычи, казалось, вышел из вод Таусхэт и достиг крон деревьев. Когда кровожадные монстры полакомились и опомнились, Даридий был уже далеко, но одна из озёрных ведьм решила рискнуть. Ведь сладкая кровь демона придавала сил, дурманила, вызывала безрассудство. Как только тварь догнала полудемона и ухватила его за ногу, тот, не колеблясь, всадил кинжалы опрометчивому чудовищу в череп по самые рукояти. Труп плавно пошёл ко дну, где его с нетерпением ждали прожорливые сородичи.

Даридий облегчённо вздохнул, вынырнув из опасного озера. Даже будучи полудемоном и имея возможность надолго задерживать дыхание, он рисковал сгинуть в толще воды. Достигнув берега, мужчина измученно упал на песок и обессилено пополз под огромный папоротник. Неглубокие раны на теле уже затянулись, а самые жестокие настырно продолжали противиться заживлению. Сил стоять на ногах не хватало. Тогда Дэрд закрыл глаза, чтобы сосредоточиться на восстановлении, но знакомый демонический голос снова вломился в его сознание:

– Сундук! Ты добыл его?

На этот раз Даридий не стал торопиться с ответом. Он полностью расслабился, освободил свой разум от всех мыслей и продолжил исцеляться. Затем полудемон неспешно поднялся с земли и, ведомый природным чутьём, пошёл туда, откуда изливались, как ему казалось, иллюзорные шёпоты.

– Немедленно отвечай или сделке не бывать?! – сердито прогремел голос, усердно стараясь пробить магический барьер, мешавший ему проникнуть в разум охотника на нечисть. Но Дэрд не реагировал на возмущение призрака, приглушённо звучащего где-то далеко в его сознании. Полудемон всецело был погружен в нарастающий металлический звон. Когда шум превратился в раздражающий звенящий писк, взор Даридия упал на замшевую сумку. Мужчина быстро схватил её и вытряс на траву таинственный шар, пульсирующий едко-бирюзовым светом. Внутри него извивалась и кружилась чёрная дымка.

– Вот ты и попался, коварный врачеватель обмана! – не сдерживая торжества и гнева, воскликнул полудемон, сдавив сферу ладонями. Подобной силы запросто хватило бы завязать жестяной прутком узлом, но стекло даже не треснуло.

– Руки прочь! – встревожено прозвучал демонический голос, оглушительным звоном режа слух. После этого загадочный предмет мгновенно охладел настолько, что пальцы Даридия обратились в ледяные кристаллы. Шар рухнул на землю и, источая голубые языки сковывающего холода, покатился к озеру. Всё, с чем соприкасалась таинственная сфера, неминуемо обращалось в хрупкий ледяной хрусталь. Дэрд пошёл следом за магическим предметом, как только горячая демоническая кровь оживила кисти его рук.

– Зачем тебе понадобилась моя смерть? Отвечай! – требовал ответа мужчина у катящегося к озеру шара, не намереваясь схватить его.

– Прочь, полудемон, прочь! – огрызался демонический голос.

– Без ответов я не уйду! – гневно настоял Даридий.

На какое-то время молчание преследовало сферу, которая уже катилась по озеру, оставляя за собой крепкую ледяную тропинку.

– Остановись, или я уничтожу тебя! – угрожающе предупредил полудемон, ступая по трескающемуся льду. Но мысленная связь уже была разорвана. Тогда Дэрд стремительно побежал к своей цели. Чувствуя, что лёд под ногами вот-вот развалится, мужчина оттолкнулся от хрупкой поверхности, прокрутил в воздухе сальто и, выхватив из-за пояса кинжалы, призем-

лился, вонзив их полулунные серебряные лезвия в твёрдую оболочку сферы. Но как только оружие коснулось стекла, колоссальной силы выброс матово-зелёной энергии вырвался из бесконечно переливавшейся, то синим, то салатовым цветом полости шара. Кинжалы тут же выскочили из рук Даридия, а его самого отбросило нарастающим взрывом к близстоящим деревьям. Дыхание перехватило, грудь сдавило; на миг мужчине показалось, что его сейчас разорвёт изнутри. Однако когда он с глухим хрустом ударился спиной о ствол клёна и рухнул на землю, энергетическая волна в мгновение ока вернулась туда, откуда появилась. Дэрд ошеломлённо посмотрел на таинственный шар, который неподвижно оставался на месте и испускал белоснежно-голубые языки сковывающего холода. Вдруг лёд вокруг шара начал трескаться, а ещё не замёрзшая вода близ него дрожать. Полудемон насторожился, не спуская с магического предмета обескураженного взгляда. В следующее мгновение от сферы во все стороны, величиной не менее чем с палец, полетели ледяные осколки. Охотник едва успел заслониться от приближающихся игл. Когда он убрал руку, истыканную мелкими сосульками, шар уже погрузился в толщу воды. Мужчина ослаблено поднялся с земли и прижался плечом к мокрому веявшему сыростью стволу клёна.

– Проклятье! – с досадой изругался полудемон, аккуратно вынимая из тела, глубоко застрявшие крупные ледяные колючки.

Едва Даридий отдышался и исцелился, как его острый слух побеспокоил протяжный глухой басистый рёв, донёсшийся со дна озера. Через короткое время звук повторился снова, но уже более отчётливо, как будто что-то гигантское неумолимо поднималось из глубин таинственного водоёма. Дэрд с тревогой смотрел на озёрную гладь, сморщенную усиливающимися колебаниями воды. Полудемон не стал мешкать. Он на пределе сил помчался к своим вещам, опоясался мечом, надел колчан со стрелами и, вложив в правую руку лук, стал ждать. Узоры – руны демонических надписей, слабо пульсировали вишнёво-красным светом на тетиве и отрогах чёрного, как ночь, лука. Заклятья, что были вложены в эти загадочные слова, свечением отражали агрессию, исходившую извне. Рёв становился всё пронзительнее и свирепее, а озёрная гладь дрожала от этого жуткого, пробирающего страхом звука. Узоры, светясь пунцовым огнём, что случалось сравнительно редко, предупреждали об огромной опасности.

Вскоре раздался оглушительный всплеск воды и из мрачных глубин, вздымаясь под кроны деревьев, в наряде из тины и ила, вырвалось огромное омерзительное змееподобное чудовище. На его чешуйчатой оклизишей морде не было глаз. На голове маячил кожистый бледно-жёлтый гребень, который поднимался всякий раз, когда ужасный зверь раскрывал свои четырёхлопастные челюсти, усеянные хитиновыми зубцами-крючьями. На каждом сегменте угольно-серого чешуйчатого тела от позвоночника на гибких хрящах, располагалось по паре подрагивающих щупалец, обнимавших брюхо. По бокам туловища были сложены кожистые плавники, а по спине тянулся сизый плёнчатый гребень.

Даридий, пронизанный беспокойством, невольно отступил от озёра, уже приготовив стрелу. Чудовище тихо гортанно рычало и ощетинивалось, стараясь уловить хоть какой-нибудь звук. И тут полудемон наступил на старую сухую ветвь сосны, стрела выскользнула из рук. Громкий хруст древесины привёл озёрного зверя в бешенство. С оглушительным рёвом он раскрыл перед Даридием свою ужасную зловонную пасть, изрыгая вязкие смрадные сгустки слюны и прелые кости жертв. Огромный слизистый язык с бугорками вынырнул из зубастой глотки, из которой тянуло смертью. На каждом сегменте тела загорелся яркий фиолетовый глазок.

– Что же ты за тварь такая, – с омерзением протянул Даридий, вытерев лицо. Зверь медленно сомкнул зубастые челюсти и, дрожа всем телом, зашипел, угрожающе расправив гребни на голове и спине. Полудемон недвижимо стоял на месте, крепко держа в руках лук, казалось, утративший свой чёрный цвет в ярко-красном огне. Чудовище, застывшее на месте от обескураживающей тишины, изливало из горла тихое рычание, шевеля жаберными складками в обла-

сти шеи, из которых то и дело сочилась вода. Дэрд осторожно вытянул отравленную стрелу из колчана с жёстким сиреневым оперением и приложил её к тетиве. Звук натягиваемой гибкой высохшей жилы дракона привлёк чуткий слух озёрного зверя. Он слегка приоткрыл челюсти и, испуская смрад из пасти, приблизил морду к полудемону. Охотник уже был готов выпустить стрелу в чудовище, но всё же продолжал ждать более подходящего момента (яд, используемый для этих стрел, принадлежал крайне редкому пещерному существу – вексеару, а потому был безмерно ценен). Монстр начал неспешно убирать щупальца с колыхавшимися обжигающими волосками от мягкого слизистого брюха.

Немеющая от усталости рука задрожала, и Дэрд невольно скрипнул зубами – он из последних сил старался удержать стрелу, дабы не потратить зря. Зверь уловил этот звук и начал медленно раскрывать свою ужасную пасть. На сегментах тела загорелся фиолетовый глазок, а на брюхе сапфировое свечение проявило кровеносные сосуды. Чудовище с приоткрытой пастью дышало зловонием в сторону своей жертвы, но высовывать язык не желало, будто предчувствовала намерения врага. С внутренней стороны распахнутых челюстей мышцы, образывавшие складки, отделились и вытянулись в усеянные ядовитыми жгутами змеевидные трубки с зубастыми округлыми ртами. Пробудившиеся щупальца потянулись к жертве. Тогда полудемон рискованно топнул ногой по сломанной ветке и зверь, пронзительно заревев, тут же выбросил язык из зубастой глотки навстречу деревянному треску. В этот момент пальцы Даридия отпустили стрелу. Зазубренный наконечник, смазанный опасным ядом, намертво впился в мякоть языка. Чудовище надломлено зашипело и завопило, мотая онемевшим языком из стороны в сторону. Резко отпрянув от своей цели, оно отчаянно начало колотить щупальцами по воде, раздражая при этом свой тонкий слух. Дэрд знал, что время действия яда на такого огромного монстра ничтожно мало, но убегать у него в мыслях не было, ведь где-то на дне этого озера укрылся таинственный шар, а может быть, теперь он даже внутри этого чудовища. Полудемон спешно, но внимательно, осмотрел исполинского озёрного змея, стараясь отыскать уязвимые места. Взор пал на жаберные щели. Мужчина встревожился, действие яда ослабевало – зверь волновался всё меньше, медлить непозволительно!

И вот тетива уже натянута, рука держит стрелу, губы шепчут заклинание – охотник тянет время, которого почти не осталось. Сердце бьётся чаще, ошибаться нельзя! Наконец, сверкнув рубиновым блеском, стрела, со свистом разрежала воздух и крепко вонзилась в мягкие мускулы. Зазубренный наконечник разорвал их, точно нож мякоть яблока. Зверь протяжно душераздирающе завопил – заклятье многократно усилило ущерб. Из жаберной щели впере­мешку с водой по горлу начала стекать тёмно-синяя кровь. Даридий отбросил лук в сторону и резко вытянул меч из ножен, издав звонкий металлический лязг. Зверь, забыв про кровоточащую рану, уверенно нацелился на своего врага. Полудемон бросил ножны в валун, лежавший от него в шагах пятнадцати. Заслышав шум, чудовище пронзительно заревело и, яростно раскрыв пасть, накинулось на камень. Дэрд стремительно подскочил к обманутой озёрной твари и по рукоять вонзил клинок в чешуйчатую дубовую плоть, скрепив коротким заговором, точно нитью, плоть и демоническую сталь. Зверь шипел и качал головой во все стороны, пытаясь избавиться от холодного металла у себя в щеке. Даридий же, что есть сил, цеплялся за рукоять, чтобы не рухнуть в воды озера. Острое лезвие, разрывая мускулы, грозило выпасть из кровоточащей раны, несмотря на заклинание.

– Прыгать? – думал охотник, перебирая путающиеся в голове мысли. – Но куда? Кроме озёрной пучины пути нет, но там меня однозначно ждёт неудача, а я не могу сейчас проиграть, не могу, покуда мой злосчастный брат не окажется в могиле. Неужели, остаётся только один выход? Ведь с этим монстром сравниться по силе только демону, – с опаской решил Дэрд, напряжённо закрыв глаза и уже предчувствуя грядущее поражение.

– Значит, пришла пора отправить это злобное чучело на дно! – вдруг надменно усмехнулся демоническим голосом Даридий, приподняв веки и обнажив полыхавшие неистовым

пламенем очи. Вены чёрными ветвями проступили на покрасневших мускулистых руках. В момент, когда меч готовился вот-вот выпасть из раны, демон успел ухватиться когтями за кровавую синюю мякоть разреза. Чудовище вновь подняло свирепый пронзительный рёв, по-прежнему продолжая бешено хлестать щупальцами по воде и мотать головой по сторонам. Незаметно Дэрд снова вонзил меч в твёрдую скользкую чешую, чуть выше кровотока ранения. Потом охотник нанёс ещё одну глубокую рану, вонзив перед этим когти в предыдущую. Таким образом, Даридий карабкался по разрезам к затылочному гребню чудовища. Душераздирающий вопль озёрного зверя резал слух, скользкая чешуя и дубовые напряжённые мускулы сопротивлялись лезвию меча, а вязкая жидкая кровь мешала цепляться за тело. Из-за постоянных резких движений головой монстра Дэрд то и дело срывался, но успевал вовремя крепко ухватиться за разорванные мышцы когтями. Чудовище ощущало жестокую боль, но никак не могло сориентироваться из-за шума воды и собственного безудержного рёва.

И вот до заветного гребня подать рукой, но меч настолько залип в синей вязкой крови, что уже не мог пробить чешую. Тогда Даридий вновь пошёл на риск. Пробудившаяся сила росла с каждым биением сердца, как и жажда крови. Дикая злоба всё больше овладевали полудемоном, дьявольским пламенем изжигая драгоценную человечность. Кровь чудовища на руках Даридия начала стремительно стекаться к узорчатой гарде клинка. Призрачная бледно-огненная буря вырвалась из дланей Дэрга и окутала «Душегуб» – меч с ужасной кровавой историей. Кровь чернела и плавилась как масло, облекая клинок и нарастая плотными жирными слоями, подобно тающему воску. Когда Даридий вырвал меч из плоти озёрного зверя, то «Душегуб» стал в два раза больше, а его металл – чёрный, как обсидиан, отливал странным заманчивым блеском. Изловчившись, демон ухватился за кожистый гребень и взобрался чудовищу на затылок. Не мешкая, Дэрд вогнал по рукоять раскалённый клинок зверю в череп. Раздался хруст пробитой кости, и из раны вырвался фонтан крови. Зверь разъярённо зашипел и резко дёрнул головой. Лезвие выскочило из черепа, а демон грохнулся спиной на скользкую окровавленную чешую и, не упуская меча из рук, начал скатываться по изогнутому позвоночнику чудовища в воду. Дэрд свирепо зарычал, хватаясь за сизый гребень. Напряжённой рукой он сдавил плавник так, что когти разорвали его толстую плёнку. В следующий момент раздался глухой скрежет и треск гибких хитиново-костных хрящей – демон вонзил раскалённый клинок чудовищу в позвоночник и с трудом провернул его в ране. Озёрный зверь пронзительно заревел. В сторону Даридия устремились щупальца. Однако охотник ловко увернулся от них, оттянув на себя рвущуюся кожу гребня. Одно из щупалец наскочило прямо меч. Лезвие пронзило гибкий хрящ и порезало нервы. Тело зверя пробила дрожь. Сначала слабая, затем она становилась всё сильнее и сильнее. Раны, нанесённые «Душегубом» пожирала саму душу чудовища. Оно безвозвратно слабело. Нemoшь обуревала истязаемое кровотокающими глубокими порезами тело. Зверь начал медленно погружаться на дно.

– Но уж нет, ты от меня не скроешься! – кровожадно заявил Дэрд, яростно вонзив когти зверю в обожженное мясо и с остервенением разрывая его. Нащупав в плоти рукоять клинка, демон вытащил его, а после вновь заглубил. Снова и снова охотник пронзал раскалённым лезвием тело зверя, пока не перерубил ему позвоночный столб. Обессилено гортанно завыв, оно рухнуло, как спиленное дерево наземь, судорожно подёргивая щупальцами.

Благополучно оказавшись на земле, демон пошёл к израненной голове ослабевшего чудовища. Зверь вздрагивал и угрожающе шипел. Полюбовавшись своей работой, Дэрд рубанул мечом по складкам жабр и издевательски посмеялся, не поскупившись ещё на пару колотых ран. Чудовище извергло из глубин глотки протяжный рёв, примешивая к нему угрожающее шипение. Но демона это лишь забавляло и наполняло восторгом его пламенное жестокое сердце. Но внезапно окровавленная пасть зверя раскрылась и четыре змеевидных щупальца вонзили свои зубастые округлые рты в тело жертвы. Они жадно впивались своими челюстями в горячую плоть, а ядовитые жгуты, усеивавшие их пасти, жгли кожу. Дэрд пытался отделаться

от назойливых щупалец, но те, точно удавы, крепко обвили вокруг его рук и ног. До оцепенения сдавив мускулы, они неминуемо притягивали жертву к зловонной мерзкой пасти. Демон разъярённо прорычал какое-то короткое запутанное заклятие. Его глаза запылали ещё большей свирепостью, а тело начало источать пламя. Щупальца тут же ринулись от раскалённой плоти обратно в пасть озёрного зверя, но Дэрд успел схватить две змеевидных кровожадных трубки. Истуклёно мешая рык и хохот, демон сдавил их, вонзив в их слизистые морщинистые покровы раскалённые когти. Мгновение – Даридий изверг вспышку пламени из огненных глаз и разорвал щупальца, отбросив в сторону их дико вопящие захлёбывающиеся кровью глотки. Тогда чудовище отчаянно раскрыло зловонную зубастую пасть и попыталось схватить своего врага языком. Но Демон изловчился и отрубил край мягкой мясистой плоти. Озёрный зверь поднял истошный пронзительный рёв, медленно волоча раненый обожженный язык обратно в горло. Дэрд, не мешкая, бросил меч следом. Раскалённое лезвие приковало язык к нижнему небу. Чудовище в бешенстве задёргалось, тщетно пытаясь освободиться от выкачивающей силы меча демона, который с нескрываемым восторгом наслаждался страданиями умирающего зверя. Тогда щупальца вновь набросились на Даридия; ухватив его за ноги, они поволокли его в глотку. Но демон даже не стал сопротивляться. Он спокойно дожидался, когда обожженные визгливые щупальца подтянут его к дергающемуся языку, чтобы запустить сноп огненных искр в раскрытую глотку.

Прогремел оглушительный взрыв, вызвав дождь из вязких сгустков синей крови, кусков хрящей и шматов разорванных тканей пищевода и мышц. Поднявшись на ноги, демон начал ходить вокруг поверженного зверя, ища в его останках таинственный шар. Всмотревшись в тёмную глубину разорванного пищевода, охотник заметил едва уловимое изумрудно-бирюзовое мерцание. Тогда Дэрд вырвал «Душегуб» из языка чудовища и уверенно подошёл к тому месту туши, где она уходила в воды озера. В следующий момент раскалённое лезвие с противным шипением проникло в слизистое гладкое брюхо поверженного зверя. Из раны вывалилось содержимое желудка, от которого по ноздрям бил едкий запах уксуса. Мерзкая водянистая жижа окутывала мерцавшую сферу. Охотник рассерженно пнул шар подальше от воды, а после, готовый к новым фокусам, осторожно взял его в руки и коварно улыбнулся.

– Теперь тебе никуда не деться! – победно заявил Дэрд, безжалостно царапая когтём стекло. Против демонической силы все чары этого загадочного предмета оказались бессильны. Вдруг ослепительный яркий свет вырвался из чёрных глубин сферы, но демон лишь слегка прищурился.

– Эти трюки больше не пройдут! – заявил Даридий и сдавил ладонями шар, принявшийся отчаянно испускать сковывающий холод. Стекло лопнуло. Из трещин начала просачиваться густая вязкая чёрная жидкость с изумрудными переливами, то и дело прерываемая фиолетовыми волнами. Тогда Дэрд разбил о камень уже хрупкий, как фарфор, шар. Чёрная субстанция принялась медленно стекать в одну точку и непрерывно расти. Демона это странная материя насторожила, и он сделал несколько шагов назад. Вскоре загадочная жидкость обрела формы человеческого тела, затвердела и неспешно шагнула навстречу своему освободителю. В этот момент угольно-серая зола осыпалась с «Душегуба», возвращая ему прежний вид, а тело полудемона неторопливо обретало присущую ему внешность.

– Что ты такое? – прорычал Даридий. Странная безликая фигура молчала. Её плоть походила на сплошной матовый мрак, изливавший эфемерные языки тьмы. По телу плыли фиолетовые переливы и проворно извивались тонкие призрачные багровые змейки. Неожиданно безмолвная фигура резко открыла рубиновые глаза, источавшие расплывающиеся языки красного света.

– Ах, это сладкое чувство свободы! – восторженно произнесло существо жутким надломленным голосом, утопающим в приглушённом металлическом эхе.

– Стой на месте! – приказал демон, сжимая рукоятку меча.

– Убери меч, Дэрдшэлд... это ни к чему, – невозмутимо прохрипел собеседник, отмахнувшись рукой, от которой во все стороны хаотично разлетелись матово-чёрные капли, неспешно растворяющиеся в воздухе.

– Откуда тебе известно это имя? – Даридия перекоробило. – Ты из Аркдэна, да? Ну же, отвечай! – угрожающе размахивая «Душегубом», требовал ответа демон.

– Сколько же в тебе нетерпения, – прикрыл возмущение усмешкой собеседник. – Хм, знакомый клинок, откуда он у тебя?

– Нашёл.

– Мне много где довелось побывать... такие вещи просто так не находятся, – сердито парировала фигура, шагнув к демону.

– Тебе-то что? – возразил полудемон, выставив навстречу неизвестному существу острие меча.

– Подобное оружие таит немало опасностей и сулит ужасные невзгоды, – Пояснил загадочный собеседник. – Чтобы ты знал, я Морк – существо, созданное магией. Когда-то эльфы, гномы и люди соткали меня из сотен исковерканных жестокостью, безумием и злобой душ, дабы очистить этот мир от грязной заразы Аркдэна.

– *Тлена*?

– Именно! – кивнуло существо. – Но когда борьба с *Тленом* окончилась, фалдорианские волшебники и саэри заключили меня в этот проклятый шар, где время течёт, так медленно, что страшно даже об этом говорить.

– Наверняка была причина заключить тебя туда? – с подозрением спросил Даридий, наконец, опустив клинок.

– Они боялись моей силы. В конечном итоге, я, как и *Тлен*, стал вытягивать энергию из всего живого. Ты освободил меня из томительной темницы, поэтому, теперь я у тебя в неоплатном долгу.

– Помнится, не так давно ты хотел, чтобы я издох на дне этого озера, затем пытался сбежать от меня, а теперь предлагаешь помощь, – каждое слово Дэрда резало недовольством.

– Видишь ли, на шар было положено заклятье, из-за которого моё сознание предельно нарушилось.

– Не оправдывайся! То к чему я питаю неприязнь, страшно меня раздражает, а ты, признаться, попал в этот список! – предупредил полудемон, приправив свою недоброжелательность язвительной усмешкой.

– Мне чужда твоя враждебность, больше всего меня заботит то, как ты собираешься решить назревшую проблему, – спокойным тоном протянуло существо.

– С чего бы вдруг тебе беспокоиться?

– Это многообещающий спектакль. Он полон боли, страданий и отчаянья, – усмехнулся Морк.

– Откуда мне знать, что твоя помощь вновь не обернётся для меня погибелью? Что если, подобно *Тлену*, ты пожнёшь мои силы? – стоял на своём Дэрд.

– Тебе явно не ведомо могущество этого клинка, – грустно усмехнулся Морк, указав на Душегуб. – Пока ты с ним связан – тебе ничего не грозит. По крайней мере, от таких как я.

– Уж что-то мне не нравится твоя излишняя искренность, в чем подвох? – до последнего сомневался Даридий.

– Честно говоря, этот мир убивает меня... заточение сильно исказило моё естество, моя душа и плоть слились воедино, породив эту хрупкую материю.

– Выходит, хочешь спасти себя, слившись со мной? Ну, уж нет, я не...

Даридий не успел договорить, Морк оборвал его, повысив тон, словно пытался задушить высвобождающуюся горячность собеседника.

– Ты нарочно смешишь меня своей невежественностью? То, что создано из *Тлена*, ему неподвластно! Твой клинок – оружие Аркдэна, он не просто поглощает души, открою тебе маленький секрет, он дарует над ними полную власть и, если потребуется, я помогу тебе раскрыть его потенциал. Подумай хорошенько, ты спасёшь меня от гибели, а взамен получишь небывалую мощь, которой даже твой брат позавидует.

– Хм, звучит заманчиво, но, зверь в глубинах моей души подсказывает мне, что лучше не соглашаться на твоё предложение, – с издёвкой ответил полудемон, надеясь, что это отобьёт у духа желание сомнительного союза. Но тот оказался непреклонен.

– Ха-ха-ха, да брось, никакого зверя нет и в помине, ты просто боишься, – поддразнил Дэрда Морк.

– Может и так, и что с того? – вызывающе ответил полудемон.

– А то, что Ашэлд готов на всё, чтобы следовать своей цели и добиться желаемого, а ты испытываешь страх, просто потому, что не веришь в собственные силы. С таким настроем, как не упорствуй, кроме отчаяния, вытекающего из неудач и ведущего к поражению, ты не добьёшься ничего! – твёрдо заявил Морк.

Тут Даридий окунулся в пламенеющую пучину своих мыслей, спутанных липкой паутиной сомнений. – «Доверять явно этому существу не стоит, это ни к чему путному не приведёт, но отвергнуть его – значит, отказаться от попытки победить заклятого врага, один я ведь с ним и вправду не совладаю. Возможно, Морк, как бы он опасен не был, частичка надежды на победу. Придётся рискнуть, боязнь тут неуместна, теперь уже не имеет смысла, погибну я сейчас или потом, успев увидеть гибель мира. Аркдэн его поглотит, как бы я ни пытался противиться его словам, он остаётся прав», – удручённо признался Даридий, поникнув головой.

– И так, что ты решил, Дэрдшэлд? Поспешит, времени остаётся у меня мало, – поторопил Морк своего собеседника. Какое-то время полудемон и дух в напряжённом молчании не сводили друг с друга взгляда.

– Я должен остановить своего брата – нарушил безмолвие Даридий.

– Дай мне свою руку, – умело скрыв триумф, невольно возникший в голосе, сказал дух. – Учти, моей силой крайне сложно научиться управлять, – предупредил он, подступая к полудемону.

Даридий кивнул, беспрекословно протягивая ладонь. Как только дух коснулся тёплой плоти, холодные вязкие капли матовой черноты начали собираться в жилки и расплзаться по всему телу. Даридий ощутил неприятное сдавливание всех мускулов. Но как только дух отпустил руку охотника, чёрные жилки начали медленно исчезать, источая призрачные языки свинцового цвета.

– Главное помни, – напутствовал собеседник. – Главный враг – это ты сам, победишь ты или подчинишься решать лишь тебе, – пояснил дух, чьё тело начало иссыхать и трескаться.

– Но с чего мне начать? – оторопел Дэрд.

– Все ответы внутри тебя! – погибающее ответил собеседник. Вскоре его тело, испуская языки серого дыма, обратилось в уголь, а потом и вовсе исчезло, не оставив и следа. Полудемон с досадой смотрел на смерть этого загадочного существа. После этого охотник собрал все свои вещи и вернулся к своему верному скакуну, который терпеливо ожидал его на берегу реки Кельви. Завидев своего хозяина, конь тут же избавился от гнетущей его апатии, заржал и встал на дыбы.

– Ну вот, дружище, я и вернулся, – поглаживая скакуна по холке, улыбнувшись, произнёс Даридий. В ответ конь бархатными губами обласкал долгожданного хозяина, как будто бы расцеловал после долгой разлуки.

– Не мешало бы теперь всё обдумать и пополнить припасы – зевнув, устало протянул охотник, запрыгивая в седло. – А пока отправимся как мы с тобой в ближайший городок и

как следует отдохнём. – После этих слов, конь сорвался с места и помчал своего хозяина через промозглые поля в крупное графское поселение на севере, именуемое Марквильд.

Глава 2

Ночь. Неугомонный дождь неистово барабанил по крышам, лишая сна и без того терзаемую горем королеву-вдову. Внезапно окно с грохотом распахнулось, и в утопшую во мраке комнату ворвался свирепый ветер, резвясь с алыми занавесями. Фаретра неохотно поднялась с постели и направилась к развевавшимся в дыхании непогоды шторам. И тут её взгляд приковали к себе чёрные, как уголь, застилающие ночное небо грозовые тучи. Влажными туманными руками они тянулись к горам, протянув через пустынные тёмные улицы Форлианда полосатую занавесь дождя, колышимую порывами ветра. Холодные капли коснулись лица вдовы, её волос, шеи, груди. Затворив окно, Фаретра ладонями стряхнула со щёк дождевую воду и, сопровождаемая раскатом грома, вновь отправилась в кровать. Но только женщина хотела опуститься на мягкие перины, как в дверь внезапно постучали. Сначала вдова подумала, что ей это грезится, но вскоре шум повторился. С недовольством королева подошла к двери.

– Кхе, кхе... Ваше Величество, прошу простить меня за визит в столь позднее время, но, полагаю, вам кое-что необходимо знать, – раздался знакомый противно-лукавый голос.

– Ах, советник – это вы, – безрадостно произнесла королева, неохотно отворив дверь. За ней в тёмном камзоле с серебряными пуговицами стоял советник Бромар, сопровождаемый двумя стражниками с подсвечниками в руках.

– У меня для вас не самые лучшие новости, – начал суетливо мужчина, нырнув в комнату.

– Что случилось? говорите быстрее, я хочу спать, – с наигранной апатией потребовала Фаретра.

– Вы знали, что вашего мужа отравили?

– Что... этого не может быть!?! – ошеломлённо произнесла вдова, – Как это отравили?

– Лекарь нашёл в чаше для питья очень редкий яд. Доза даже для взрослого крепкого мужчины смертельна, – пояснил Бромар.

– Кто это сделал? Вы нашли его? Ну же, отвечайте! – разволновалась королева, с трудом подбирая слова.

– Ну, как вам сказать, – потирая затылок, замялся советник.

– Не тяните же! – приказала сердито женщина.

– К несчастью, вы были последней, с кем его покойное Величество провёл последние часы жизни, – с притворным сочувствием ответил Бромар. Он прятал взгляд, ибо ехидство улыбалось в глазах.

– Что это значит?! Вы пытаетесь обвинить меня в убийстве собственного мужа?! – возмутилась Фаретра.

– К чаше кроме вас никто более не притрагивался. Утром будет суд, а пока я... мы вынуждены вас взять под арест и доставить в западное крыло замка, – пояснил Бромар.

Но Фаретра не услышала последних слов собеседника. В её голове начали хаотично сталкиваться мысли. Женщина пошатнулась, в надежде найти опору схватила воздух, и потеряла сознание. Советник успел подхватить падающее тело королевы. Так он сберёт её голову от, возможно, смертельного удара о спинку кровати.

Придя в чувство, вдова приподнялась с постели. Гром всё ещё бушевал, а молнии озаряли мертвецки-спокойное лицо Бромара. Фаретра с ужасом посмотрела на незваных гостей, которые терпеливо ждали её в двёрном проёме.

– Я этого не делала и никуда с вами не пойду! – категорично заявила Фаретра.

– Ваше Величество, не нужно упрямства, я верю вам, но порядку обязаны следовать все без исключений, – учтиво сообщил Бромар, протягивая королеве руку.

– Ваша вежливость так же фальшива, как и ваши обвинения, убирайтесь, пока я не приказала страже вышвырнуть вас! – пригрозила королева.

– Хорошо, приказывайте, – вызывающе ответил Бромар, скрестив руки у груди.

– Стража! – позвала королева, но в ответ ей откликнулась лишь тишина.

Тогда советник наклонился к вдове и с желчной усмешкой прошептал:

– Стража подчиняется только тем, кто ей платит. К несчастью для вас, я плачу ей куда больше.

В ответ Фаретра отвесила звонкую пощёчину дерзкому советнику. Взгляд женщины тут же наполнился съедающей ненавистью. Бромар более не посмел кичиться, он холодно посмотрел на вдову и коротко отдал приказ:

– В западную башню её!

– Пустите меня, пустите немедленно! – кричала рассержено королева, пытаясь вырваться из рук стражников. Но тёмная ночь и пустые коридоры не в силах были ей помочь.

– Эх, какая сильная настойчивая женщина, – с ноткой ложного восхищения усмехнулся Бромар, подходя к трельяжу. – Даже жалко её немного, – коварно заулыбался советник, взяв в руки изумрудный кулон на золотой цепочке. Надёжно спрятав украшение во внутреннем кармане камзола, мужчина спешно вышел из комнаты и закрыл её на ключ.

Для Фаретры утро пришло неожиданно. Всё ещё тёплый свет солнца, грустно напоминавший об уходящем лете, лился через небольшое решётчатое окошечко, расположенное почти под потолком, где раскинулись заросли паутины. Женщина неохотно открыла заплаканные глаза и перевернулась на другой бок. В комнате с голыми каменными стенами было мало уюта. Дряхлая кровать грозилась вот-вот развалиться, а по дощатому полу, дыры которого тщетно прикрывал изорванный грязный серый коврик, безбоязненно шныряли докучливые мыши. Вдова, одетая в льняную ночную рубаху, подергивалась от холода, не решившись укрываться старым потрепанным одеялом, уже давно ставшим домом для вшей.

Обласканная прикосновениями солнца, Фаретра долго лежала с открытыми глазами в умиротворяющей тишине, руками обняв себя за плечи. Ей не хватало объятий любимого больше, чем свободы. Женщине всё больше казалось, что с кончиной Томада её душу заключили в клетку, из которой выбраться ей уже не суждено. А эти серые бездушные стены, наполненные спокойствием, больше охраняли от тех печалей и невзгод, что поселились внутри Фаретры, нежели давили на неё. Вдруг гармонию нарушило предательское цоканье каблучков в конце коридора. Женщина знала – это идут за ней. Вскоре зазвенели ключи, загрохотала старая замочная скважина, и тяжёлая металлическая дверь медленно отворилась. В комнату, поскрипывая сапогами, важной походкой влетел Бромар, а следом за ним две служанки. У одной в руках были аккуратно сложены красное платье, расчёска, гребень для волос, туфли. У другой – небольшой поднос с парой варёных куриных яиц, тарелкой манной каши и кружкой молока.

– Позавтракайте, переоденьтесь, а потом вас проводят в главный зал, – скоро сообщил Бромар. – Ах да, и ещё, не тяните, суд не любит, когда его заставляют ждать, даже если вы королева, – не упустил момента для желчной улыбочки советник. Вдова с режущей, точно нож, безучастностью взглянула на мужчину. После того, как их глаза встретились, Бромар не стал задерживаться и в спешке покинул комнату.

Фаретра медленно поднялась с постели и опустошённо посмотрела на служанок.

– Ты свободна, – сказала королева служанке с подносом.

– Ваше Величество, но...

– Не заставляй повторять дважды! – сердито процедила вдова. Служанка выбежала из комнаты.

– А ты помоги мне одеться, жду не дождусь, когда всё это кончится, – проворчала Фаретра, расстёгивая пуговицы на вороте рубашки. Служанка, стараясь не испытывать терпение королевы, как можно скорее помогла ей сменить наряд, затем расчесала её волосы и гребнем аккуратно скрепила их на затылке. Когда Фаретра приготовилась выходить, к ней в комнату

зашёл капитан стражи – кудрявый блондин среднего роста с озорными серыми глазами и шрамом на левой щеке. Стальные латы с золотой окантовкой изливали ослепительный блеск в солнечных лучах, на наплечниках и наручах отливал чернотой рисунок в виде облиственных лоз. На плаще красовался восстающий коронованный золотой грифон.

– Итак, вы готовы? – равнодушно спросил Ровук, точно эта фраза звучала как утверждение, нежели вопрос.

– Не будем тянуть время, – с нетерпением бросила Фаретра и направилась к выходу, но звонкий голос капитана остановил её.

– Не забывайте, порядок есть порядок, – сказал глумливо стражник и покачал кандалами.

– Что? – возмутилась королева, – да куда мне бежать отсюда?

– Будьте так добры, руки, Ваше Величество, – настоял Ровук.

Женщине ничего не оставалось, как повиноваться и терпеть выпавшее на её долю унижение.

И вот, позвякивая оскорбительными цепями кандалов, в душный зал, переполненный суетливым недовольным людом, вслед за горделиво поднявшим голову капитаном стражи Ровуком вошла Фаретра. Лицо королевы выглядело каменным от усердно сдерживаемого возмущения, выдававшего себя только в сдвинутых бровях и напряжённых желваках. Глаза по-прежнему горели бесстрашием и уверенностью, а высоко поднятый волевой подбородок даже в обременяющем позоре цепей, придавал этой женщине величественный вид. В сторону Фаретры тут же начали оглядываться, кто-то с удивлением, кто-то с укором, некоторые с огорчением и сочувствием. На женщину указывали пальцем, кричали, а то и вовсе смело бросались проклятиями и осуждениями.

Ровук подвёл обвиняемую к трибуне и снял сдавливавшие запястья кандалы. Вдова оглянулась. У дверей в охране стоял её сын Торальд, на чьём лице читалось смирение, смешанное с безразличием ко всему. Напротив – изогнутый, как вопросительный знак, седобородый лекарь. Над ним возвышался, задрав нос, напыщенный капитан стражи. По левую руку от него, с осторожностью хищника, беззаботно улыбался Кромат. За его спиной скрывалась скованная изводящими тревогами и сомнениями Флёр, а советник Бромар, потирая бородку, стоял подле неё и угрюмым предупреждающим взглядом руководил бурей чувств девушки.

То ли от шума и гама, то ли от голода у Фаретры кружилась голова, мысли, словно сосульки, застывали в холодных чертогах сознания. А может, виной этому – растягиваемые в раздражительной ухмылке губы Кромата. Он будто нарочно улыбался в сторону королевы; надсмехался над её ущемлённой свободой и гордостью.

Гомон и суета улеглась в тот момент, когда в залу вошёл статный темнобородый мужчина. Чёрные пружинки его волос бились о плечи в такт спешному шагу. Риза цвета вороного крыла чуть ли не стелилась по полу. Взгляд был полон беспристрастия. Отец Малиос – важный представитель правящей верхушки совета Святого Нэраэля, сын одного из основоположников Нэрафизма. Все присутствующие резко замолчали и поторопились подняться со своих мест. Едва Отец Малиос подступил к трону, раздался грохот падающего засова – служители Нэраэля, облачённые в синие и чёрные плащи, на время судебного разбирательства сменили стражу. Они обеспечивали не только неприкосновенность Отцу Малиосу, но и контролировали абсолютный порядок и представляли собой надёжную защиту от магов, что жили в беззаконии. Нэрафизм – новоиспечённая строгая религия, накрывшая Форлианд, точно огромная грозозавая туча, хоть и прижилась, но встречена был весьма враждебно, а потому продолжала разжигать в сердцах недоброжелателей жгучую ненависть и неповиновение, порой перераставшее в открытые восстания и нападения исподтишка. Опустившись на трон (со временем власть служителей Нэраэля стала под стать королевской, в некоторых случаях даже много больше), Отец

Малиос заботливо погладил бороду, будто это его любимый питомец, и пристально осмотрел присутствующих господ в первых рядах.

– Гм, гм, итак, начнём разбирательство, – с серьёзным лицом начал судья, ударив дубовым молоточком по столу. Присутствующие в зале медленно опустились на свои места, стараясь не издать ни звука. Воцарилась мёртвая тишина. Грозный голос судьи звучал как гром, отлетая гулким эхом от стен замка.

– Мы собрались здесь, чтобы разобраться в смерти его Величества – Томада Тронэра. Все мы до сегодняшнего момента были уверены в том, что ужасная неизвестная болезнь повинна в этом, но, как оказалось, сердце нашего короля остановилось отнюдь не по вине недуга. Кому-то была выгодна его смерть, ибо в деле не обошлось без яда. – Зал содрогнулся; подобно ветру, качающего верхушки деревьев, пронеслась волна тревожного удивления. Люди начали перешёптываться между собой и с осуждающим презрением оглядываться на Фаретру. Малиос постучал молоточком несколько раз и, дождавшись тишины, продолжил:

– Обвиняемая в убийстве Томада Тронэра – его супруга Фаретра. Имеется свидетель, который видел её в момент смерти нашего короля. Советник Бромар, расскажите, что вы видели в тот роковой день? – попросил судья.

– Спасибо, Ваша Честь, – подойдя к трибуне, сказал свидетель. – В день смерти моего короля я проходил мимо его комнаты и услышал женский плач. Сначала я не решался войти, но потом, вопреки правилам, всё же осмелился.

– И что же вы там узрели? – поинтересовался Малиос.

– Обвиняемая обнимала тело Его Величества и рыдала. По одному только выражению её лица можно было понять, что произошла ужасная трагедия.

– А видели ли вы чашу, из которой пил покойный? – потребовал ответа судья.

– Да, конечно же. Золотая, с гравировкой, она стояла на столе, – уверенно ответил Бромар. В следующий момент Малиос из глубин своей ризы вытянул злополучный золотой кубок и поставил его на стол.

– Узнаёте? – спросил судья.

– Без сомнений, это тот самый кубок, – внимательно осмотрев предмет, заверил советник.

– А как вы считаете, у обвиняемой был мотив для убийства мужа?

– Был ли мотив? – задумался свидетель, – знаете, кажется, нет. Зачем убивать того, кто сам скоро умрёт. Это глупо. Но было одно «но», которое для Фаретры очень многое значило.

– И какое же «но»? – взгляд судьи воспылал нетерпением.

– Вопрос о престолонаследии. Сын короля, как известно, отрёкся от власти, а от женщины без мужчины ничего не зависит. А роднить себя с тем, кого ненавидишь – разве это возможно? Обвиняемая лучше предпочтёт смерть, чем возляжет на одно ложе с ним!

– Подождите-ка, а о ком вы сейчас ведёте речь? – заинтересовался судья.

– О племяннике покойного короля – Кромате, – развеял неясность Бромар.

– Значит, судя по вашим словам, чаша с ядом предназначалась не для короля, а для его племянника, и как мы слышали из ваших уст, обвиняемая питает неискоренимую ненависть к нему, – сделал умозаключение Малиос.

– Так и есть. Ведь после смерти его Величества, Кромат имел все права на престол не меньше, чем Фаретра. Им пришлось бы править вместе, как того требует закон, – подытожил Бромар.

– Благодарю, свидетель, присаживайтесь. А теперь, я желал бы услышать подтверждение или протест последних слов. Лорд Кромат, вы можете на них что-нибудь ответить? – спросил Малиос, жалея взглядом.

– Эти слова абсолютная правда, Ваша Честь, – подтвердил утверждения Бромара Кромат. Оживленный походкой он подошёл к трибуне и начал свой небольшой рассказ:

– Понимаете, у нас всегда были натянутые отношения с обвиняемой. Я всегда хотел быть ближе к ней, но она постоянно отталкивала меня. Вскоре её неприязнь переросла в ненависть. Мы часто ссорились, бывало даже, обвиняемая бросалась не только оскорблениями, но и угрозами. А она слов на ветер не бросает, уж поверьте, – ядовито посмотрев в сторону Фаретры и отпустив едва уловимую колкую улыбочку, сказал Кромат.

– А есть из присутствующих в зале тот, кто может подтвердить горячность и злопамятность обвиняемой? – обратился к залу судья.

– Ваша Честь, я могу это подтвердить, – вступил в разговор капитан стражи Ровук.

– Замечательно, – улыбнулся Малиос, – продолжайте.

– Как-то раз у меня с обвиняемой произошёл конфликт. Так дело дошло до того, что она пригрозила мне моим социальным положением. Как ясный день, помню её слова: «попробуешь мне хамить и со всеми своими причиндалами отправишься на рудники!» – с тех пор, мне приходилось, чуть ли не прятаться при виде её, – пояснил капитан, заботливо прочесав на висках густые пряди волос.

– А расскажите, что это был у вас за конфликт с обвиняемой? – поинтересовался судья.

– Кто-то разбил дорогую для неё вазу, а я попался под горячую руку. А ведь я просто сказал, что ничем помочь не могу, ведь в мои обязанности не входят подобные дела, на что обвиняемая от злости ударила меня перстнем по голове, – бусины пота часто срывались со лба капитана и падали на редкие брови. Он тотчас вытирал чело, поглаживал волосы, нервно потирал ладони.

– А давно ли случился этот конфликт? – не отступал судья.

– Где-то пару лет назад, – задумчиво протянул Ровук, вновь притронувшись к своим локонам.

– Благодарю вас за показания, присаживайтесь, а к вам, Лорд Кромат, у меня будет ещё один немаловажный вопрос, – сообщил судья.

– Безусловно, Ваша Честь, – патетично ответил свидетель, положив взгляд на свой золотой перстень с чёрным жемчугом.

– Был ли у обвиняемой мотив, чтобы отравить вас?

– Конечно же! – выпалил Кромат. – Обвиняемая желала заполучить власть, не деля её со мной. Понятное дело, ей было выгодно расправиться со мной, ведь я единственный, кому достаётся трон по праву в первую очередь, в виду того, что сын обвиняемой отрёкся и поклялся посвятить свою жизнь служению ордену Нэраэля. Однажды, обвиняемая прямым текстом сказала мне, что трон я ни за что не получу.

– Ага, ... значит, угроза всё-таки была? – переспросил отец Малиос.

– Да, – коротко ответил Кромат.

– Хорошо, присаживайтесь, – протянул безразлично судья, устремив прищуренный взор в мозаичное окно, через которое лился ослепительный солнечный свет. После полуминутного молчания отец Малиос глубоко вздохнул и чёрным платком вытер с лица пот.

– В этой чаше, – продолжил судья, указывая на блиставший золотом кубок, который стоял на столе, – придворным лекарем была обнаружена смертельная доза яда, – договорил судья, бросив вопросительный взор на седого старика. Фасиус медленно поднялся со скамьи и, апатично посмотрев на присутствующих, прихрамывая, направился к трибуне.

– Свидетель, внимательно посмотрите на эту чашу, вы где-нибудь видели её? – требовательным тоном спросил отец Малиос, подвигая кубок к краю стола. Лекарь неспешно надел очки в золотой оправе и начал пристально рассматривать предмет, безустанно теребя его в руках.

– Да, это та самая чаша, в которой был яд. ... – прохрипел Фасиус, постукивая указательным пальцем по краю кубка – осторожнее с ним, Ваша Честь, здесь ещё остались его следы.

– Обвиняемая хотя бы раз интересовалась ядами? – задал вопрос судья.

– Эмм... – задумался лекарь, – припоминаю... было как-то раз, – посмотрев бессовестными ехидными глазами на Фаретру, погружённую в неясное смятение, ответил Фасиус. – Где-то пару месяцев назад, у обвиняемой были проблемы... с женским здоровьем, она вызвала меня к себе и приказала ей помочь. Когда же я принёс ей средство от недуга, она, к моему удивлению, стала расспрашивать о лекарственных и ядовитых травах.

– Ага, интересовалась, значит, – промямлил про себя отец Малиос, после чего сделал паузу, потупив взор и приложив перстень к губам. После минутного молчания судья посмотрел на свидетеля, а потом на обвиняемую.

– А кто-то из слуг мог бы позволить себе приобрести подобный яд? – прозвучал вопрос.

– Это очень редкий яд, его чрезвычайно сложно получить! – уверенно заявил лекарь, – Такой яд сильно ударил бы по кошельку простолюдина, что уж говорить про слуг.

– Замечательно, – улыбнулся отец Малиос. – Больше вопросов у меня к вам не имеется, а обвиняемую прошу высказать свою точку зрения. Прежде всего, вы признаёте себя виновной, согласны ли с мнением свидетелей?

– Я? Себя виновной? – возмущённо начала Фаретра. – В чём, скажите мне, в чём виновной, когда я понятия не имею, ни о каком яде! Мой муж умер у меня на руках и совсем не от яда, Ваша Честь, а эти люди наглым образом наговаривают на меня, потому что никогда меня не любили и не признавали, как королеву, я им чужда была всё это время, понимаете? А Лорд Кромат, который так умело и бесцеремонно врёт вам, не раз домогался до меня, но, к счастью, у него ничего не вышло! – пояснила обвиняемая. Взгляд толпы медленно пал на Кромата. Тот даже не засмутился, напротив, он невозмутимо принял слова Фаретры, будто бы гордился собой, даже во взгляде его не было ни капли сожаления. Королева продолжила:

– А капитан стражи, который предстал перед вами таким гордым и самоуверенным, на самом деле обиженный тщеславный невежа, мечтающий всеми потакать. Я часто замечала его наглую подвыпившую физиономию, когда он стоял на посту, из-за этого он часто лишался жалования и, заметьте, по моей инициативе. Он всегда желал отомстить мне, не так ли? – посмотрев с язвенным укором на Ровука, спросила Фаретра.

– Ваша Честь, это полнейшая чушь! – неустанно глядя свою шевелюру, ответил оскорблено капитан стражи, сторонясь корящего взгляда обвиняемой.

– Хорошо, а что вы скажите на слова лекаря? Он тоже, по-вашему, лжёт? – потребовал ответа судья.

– Да у меня и проблем-то никогда не было с женским здоровьем! Томад просто не желал детей, объясняя это соперничеством между сыновьями и не всегда счастливой судьбой дочерей. Томад планировал передать узды правления Торальду, но, к несчастью, он не оправдал надежд. А этот жадный старик преподносит безобразные выдумки! – заявила Фаретра.

– Ничего я вовсе и не выдумываю! Было же такое, было! – настоял на своём лекарь, взбудоражено вскочив со скамью и размахивая руками.

– Свидетель, сохраняйте спокойствие! – предупредил отец Малиос, взглянув на Фасиуса исподлобья.

– Прошу прощения, Ваша Честь, но мне клеветать незачем! – сердито высказался старик и, дыша недовольством, уселся на место.

– Пусть будет так, – хладнокровно заявил судья и вытянул из внутреннего кармана ризы изумрудный кулон на золотой цепочке. Повертев его в руке, а затем, подняв над головой, он задал вопрос:

– Эта вещица кому-нибудь знакома?

Фаретра начала нервозно ощупывать шею и грудь.

– Так знакома или нет? – настойчиво повторил отец Малиос, удерживая кулон так, чтобы все его видели.

– Это подарок моего мужа, – сухо ответила обвиняемая, потупив взор.

- А можете ли вы объяснить, как этот кулон оказался в комнате Лорда Кромата?
- Теперь ты не отвертись, – подумал про себя коварный племянник, бросив надменную ядовитую ухмылку в сторону обвиняемой.
- Я... я не знаю! – ошеломлённо ответила Фаретра, – я только сегодня ночью его клала на комод, не может быть такого, никак не может!
- Кто-нибудь к вам сегодня ночью заходил? – спросил судья.
- Советник Бромар... – не задумываясь, бросила в ответ обвиняемая, затем её удивление стремительно переросло в гнев: – Ах, ты... да как ты вообще посмел притронуться к нему!
- Ваша Честь, уверяю вас, сегодня всю ночь я провёл в гостях у капитана Ровука, он может это подтвердить, – соврал в оправдание Бромар, сохраняя непроницаемое хладнокровие.
- Лжец! Наглый лжец! Это ты его взял! Больше некому было! – настаивала на своём Фаретра, разрывая взглядом советника.
- Ваша Честь, советник Бромар говорит правду, – поддержал обманщика капитан стражи.
- Обвиняемая, успокойтесь! – приказал судья, ударив молоточком по столу. – Надеюсь, вы понимаете, что это очень весома улика? – произнёс отец Малиос, строгим взором впиваясь в Фаретру.
- Понимаю... – растворив свой гнев в смирении, ответила обвиняемая.
- Найдётся ли из присутствующих тот, кто сможет подтвердить, что до сегодняшней ночи, кулон был на её владельнице? – обратился к залу судья. Возникло напряжение, разбавляемое перешёптыванием горожан.
- Твой выход, девочка, – угрожающим желчным шёпотом повелел Бромар, одёрнув за руку Флёр, застывшую от тревог.
- Ваша Честь, – раздался дрожащий голос молодой девушки. Флёр подошла к трибуне, виновато склонив голову и сцепив пальцы рук, опущенных к бёдрам. Распушенные тёмные волосы девушки струились, точно чёрный водопад, скрывая её отравленное беспокойством лицо.
- Слушаю вас, – отозвался отец Малиос, не упуская из рук золотой цепочки злополучного украшения.
- Этот кулон, на самом деле мой, я потеряла его неделю назад. Вернее, я думала, что его потеряла, а оказалось, его взяла моя мачеха, – с набегающими слезами промямлила Флёр.
- Говорите громче! – потребовал судья.
- Это мой кулон... Неделю назад моя мачеха незаметно забрала его у меня, – сказала девушка, не поднимая глаз.
- Что же ты такое говоришь?! – вскричала одновременно удивлённо и возмущённо Фаретра, – как твой язык вообще поворачивается такое говорить?!
- Обвиняемая, прекратите себя так вести! – призвал к благоразумию королеву отец Малиос. – А вы, девушка, вспомните, ваша мачеха не грозила убить лорда Кромата?
- Едва сдерживая слёзы, Флёр уверенно ответила:
- Этого я, к сожалению, не помню, но точно знаю то, что этого человека она ненавидела.
- А насколько ваша мачеха страшный человек? – спросил судья.
- Не меньше, чем про неё говорят, – чёрство бросила в ответ девушка, испуганно посмотрев на сердитое лицо Бромара.
- Ага, из всего этого может вытекать только одно, – задумчиво поглаживая бороду, пробурчал себе под нос Малиос.
- Я не могу в это поверить, – покачала головой Фаретра, с трудом вытаскивая слова из онемевшего от изумления рта. Злость и обида запылали в глазах мачехи. – Я же любила тебя как родную, старалась для твоего счастья, до последнего защищала тебя от всех невзгод, а как ты поступаешь со мной? За что ты так поступаешь со мной, Флёр? За что?! – бриллианты слёз сверкнули на ресницах Фаретры, потрясение когтями разочарования полосонуло сердце,

боль сдавила дыхание. Толпа оживилась, вызывая волны шёпота, но стук молоточка судьи – вестник не только его воли, но рвущейся нити его терпения, заставил присутствующих при-
смиреть. И только королева не подчинилась – она продолжала что-то неистово бормотать себе под нос, закрыв лицо ладонями. Показать свои слёзы, означало сломаться, Фаретра не могла себе подобного позволить, а простить тем более. Малиос насупился, раздражённо взглянул на обвиняемую, но поборов в себе возмущение тяжёлым вздохом, он безоговорочно огласил:

– От имени отца нашего небесного – Нэраэля, по законам предков наших и всего Фор-
лианда, Фаретра Тронэр обвиняется в покушении на убийство знатного лица по королевской
линии из корыстных побуждений, и приговор за это – пожизненное заключение! Стража, в
темницу её! – распорядился судья, ударив молоточком по столу.

Мужчины в латах надели на руки осуждённой кандалы, и повели её к выходу. Алмаз-
ные ручейки слёз струились по щекам Фаретры, что-то горестно и неразборчиво твердившей
про себя дрожащими губами, тогда как Флёр безропотно и опустошённо стояла у трибуны,
походя на безжизненную чугунную статую. Дикий гомон восторженной толпы наполнил залу,
но девушка, казалась, не слышала его. Люди неспешно расходились, следуя за стражей, сопро-
вождавшей Фаретру в темницу, и брюзжали. Но осуждённая не замечала этой надоедливой
бессмысленной суеты. В эти минуты её мир был утоплен в беспросветной ледяной пучине
отчаяния. Погружённая в молчание, она пустым взглядом смотрела в пол, роняя тут же разби-
вающиеся прозрачные перлы слёз. Бромар с довольной улыбкой медленно подошёл к Флёр и
нежно обнял её за плечо:

– Это жизнь, девочка, желаешь красиво жить – приноси жертвы, – сказал мужчина. Его
голос жалил, как жало скорпиона. Каждое слово, казалось, облито ядом.

Девушка вырвалась из объятий коварного советника и побежала к двери. «От себя она
всё равно не убежит», – ехидно улыбнулся Бромар и надменной походкой направился следом.

Как только Флёр выбежала за дверь, какой-то светло-русый коротко-стриженный широ-
коплечий мужчина в буром камзоле крепко прижал её к стене и, приложив руку к горлу, оже-
сточено посмотрел ей в испуганные глаза.

– Отпусти меня, – каким-то измученным негромким голосом произнесла Флёр, даже не
пытаясь вырваться.

– Как же ты могла так поступить? – точно через сито изливал свой гнев и презрение
мужчина сердитым басом. Девушка молчала.

– Ты же сгубила жизнь невинному человеку и ради чего, ответь ради чего?! – гневался
придворный рыцарь, сильнее сдавливая рукой горло.

– Убери от неё руки, Люксимур, и иди в таверну заливать своё горе элем, – приказным
тоном сказал Бромар, кривя губы в глумливой усмешке.

– Твои похороны были бы отличным поводом для этого, – яростно парировал мужчина. –
А тебе это вернётся, можешь не сомневаться, – хладнокровно пообещал Люксимур, освобож-
дая горло Флёр.

– Мы потом договорим с тобой, – предупредил Люксимура Бромар, не поспеившись на
скрытую угрозу.

– Я так не думаю, советник, – с омерзением выпалил в ответ придворный рыцарь и,
оттолкнув плечом преграждавшего путь Бромара, убрался прочь.

– Бесцеремонный наглец, – возмутился Бромар. – Ничего, он поплатится за свою дер-
зость! – выругался советник, медленно поднимаясь по лестнице. Когда его шаги поглотила
тишина, Флёр сползла спиной по стене, обхватила руками колени и, обессилено уронив на них
голову, заплакала так, как никогда раньше себе не позволяла.

Глава 3

Фивисвэйл... при одном только произношении этого слова граждан Тавринии передёргивало так, точно их колотил озноб. С этим городом были связаны самые мрачные и кровавые события, запечатлённые на страницах истории. Некогда могущественный город, прославленный героями войн, архитекторами, ювелирами и мастерами по корабельному делу запятнал себя разразившимся, как неискоренимая болезнь, рабством. С тех пор главным объектом торговли на рынке стали человеческие жизни, продаваемые знатным мужам порой чуть ли не за бесценок. Дорогими были лишь куртизанки публичных домов и бойцы арен; к слову, гладиаторские состязания изначально были традиционными в Альвионии, но, не вытесняя рыцарских турниров, они прижились в Фивисвэйле.

Однако к достояниям Фивисвэйла, помимо флота и омрачившего город своей грозной пугающей тенью работорговли, относились элитная пехота и стрелецкие полки. Прославленный своим бессердечием и непревзойденным искусством вести войну легендарный легион «Чёрных Псов» обрёл бессмертие не только в детских страшилках и летописях. По сей день Фивисвэйл не брезговал прибегать ко многим методам этих выдающихся жестоких солдат. На подготовку войск и их содержание правительство затрачивало колоссальные суммы. Мало кто осмелился бы оспаривать тот факт, что по военной мощи Фивийсвэйл превосходил все города в Форлианде, упорно соперничая лишь со столицей Вэтфэльда.

Морепродукты, икра и соль ежегодно пополняли казну этого мрачного грозного города. Высочайшим спросом за границей пользовались не только рабы и корабли, но и драгоценные и поделочные камни, обмениваемые на специи, дорожные шёлка и заказные изделия из слоновой кости. Знатные горожане верили, чуть ли не до фанатизма, что подобные фигурки обладают мистической силой и позволяют связываться с богами и действуют как мощные обереги от тёмных сил.

Построенный на берегу моря и обнесённый толстой желтоватой стеной с оборонительными зубчатыми башнями по побережью, Фивисвэйл напоминал клык, сужавшийся от севера к югу. Город тянулся по окраине каменистого полуострова Фивирбэл, к ребристым породам которого вклинивались лестницы, ниспадавшие ко второму по величине порту с множеством верфей и пришвартованных к ним кораблей, отличавшихся пестротой парусов, диковинной резьбой мачт и узорчатой росписью бортов.

Север Фивисвэйла, возвышаясь над морем Фёрлос, точно грозный государь над своими вассалами, состоял из тесных улочек, где высокие узкие серокаменные здания с чёрной или бурой черепицей окружали замок, будто кольцо воинов своего командира. Занимая центральное место на скале, замок Ноктборг, построенный из чёрного отполированного гладкого камня, величественно вздымался к небесному куполу изящными черепичными крышами трёх башен с закрученными бордовыми шпилями. На многие мили виднелись игривые солнечные зайчики, отражавшиеся от прямоугольных окон из алого стекла и восседавшего на пике донжона тёмно-красного яшмового дракона, украшенного поразительными узорами цвета рубина.

В просторном замке правителя Фивисвэйла царил безгласный полумрак. Стены тёмно-серых коридоров украшали оружие и росписи из переплетающихся меж собой чёрных и красных узоров, сильно напоминавших языки огня. Холодный мраморный пол устилали бархатные ковры цвета яркого кармина. Полупрозрачные чёрные занавеси колыхались в дыхании морского ветра едва ли не в каждой комнате этого мрачного места. Суровое убранство замка нагнало тревогу и страх на пребывавших здесь гостей.

Тронный зал освещали узкие прямоугольные окошечки в виде щелей и окаймлённые пиками по краям чугунные чаши, с клочкавшим в них пламенем. Они были подвешены на цепях к когтям огромного железного дракона, затаившегося на сводах потолка. Пол, выложен-

ный дорогим чёрным мрамором, по центру пересекала, будто струя огня, дорожка, сшитая из шкур весьма ценных рыжих альвионских лисиц. Она тянулась от самых ворот зала до гранитного трона, напоминавшего своими формами зазубренный кусок скалы, украшенный ребристыми пиками обсидиана и чёрного оникса. Окончания подлокотников были выполнены в виде ящеричных голов с разинутыми пастьями.

Льющийся через окошечки алый свет заката холодно касался дорогого бордового платья, окаймлённого на вороте, длинных рукавах и подоле завитками чёрного бархата. Лучи осеннего солнца, прокрадываясь через густые каштановые пряди волос герцога Нокта Бэллуса, озаряли его немолодое лицо, расчерченное морщинами. Пышная чёрная борода опускалась мужчине на грудь, под серыми глубоко посаженными глазами, напоминавшими грязные кусочки льда, пролегли фиолетовые круги. С самого утра Нокта Бэллуса осаждала апатия, вызванная жалобами надоедливых горожан. Правитель, опершись левым виском на кулак, изнурённо восседал на троне и отрешённо слушал, как двое зажиточных мужчин вели яростный спор между собой, каждый упорно доказывая ему свою правоту.

– Ваше Сиятельство, этот бессовестный наглец, требует, чтобы я отдал ему свою лавку на центральной торговой площади, и ладно, если бы просто требовал, так он незаконно заgrabастал её и не подумывает даже отдавать её мне! – Возмущённо заявлял одетый в расшитое золотом огнисто-рыжее платье тучный мужчина. Множество звенящих цепочек и браслетов из драгоценных металлов, явно говорили о его состоятельности.

– Ваше Сиятельство, уверяю вас, ничью лавку я не отбирал, торговец, что владел ей, сам же мне и подписал на неё права, – защищался высокий темноволосый мужчина в бордовом платье, украшенном чёрными узорами. Ответчик вёл себя совершенно спокойно. Он был сдержан и уверен в своей правоте, в отличие от своего соперника, покрасневшего от злости и изливавшего негодование своими пламенными громкими речами.

– Зачем ты врешь, пёс окаянный! – возражал тучный купец, осуждающе размахивая рукой в сторону ответчика. – Торговец этот – змей подколодный, не имел ни малейшего права распоряжаться чуждым ему имуществом, а ты выиграл у него мою лавку в карты, когда он к тому же ещё и пьян был!

– Ну и что с того, что он пьян был?! – усмехнулся темноволосый мужчина. – Ваше Сиятельство, торговец выдал мне расписку, где чёрным по белому указал, что в случае проигрыша отдаёт мне свою лавку, вот, собственно, эта самая бумага, – объяснил ответчик, передавая пергамент облачённому в доспехи стражнику, спустившемуся со ступенек, ведших к трону.

– А лавочник этот где? – тяжело вздохнув, устало произнёс герцог Бэллус, мрачно поглядывая на ссорящихся купцов из-под своих кустистых чёрных бровей.

– За дверью ожидает, Ваше Сиятельство, – сообщил стражник, предъявив правителю бумагу ответчика.

– Приведите его, – принявшись с трудом разбирать ужасный почерк, приказал государь, потирая виски пальцами правой руки. В этот момент стражники ввели в тронную залу лавочника, ещё не успевшего как следует протрезветь с недавней гулянки.

– Ах ты, пьянь проклятая! – взревел от злости тучный купец, с превеликим трудом воздерживаясь от того, чтобы не задушить провинившегося торговца. Сдерживал его, по сути, грозный пронизывающий взгляд стражника с алебардой.

– Тебе эти люди знакомы? – требовательным тоном спросил Нокт Бэллус, сердито посмотрев на лавочника.

– Да, Ваше Сиятельство, – уверенно ответил торговец, виновато потупив взгляд.

– Кто справа от тебя, а кто слева? говори, не гневи правителя, не видишь, устал он от подобных, ... – буркнул стражник, проглотив возмущение, вертевшееся на языке.

– Слева который, нанял меня в лавке торговать, гроши платил, а ещё брат двоюродный называется, – колючее огорчение прозвучало в голосе лавочника.

– Да какой ты мне после такого позора родственник?! – насупился купец, свирепым взглядом разрывая виноватого торговца. Герцог раздражённо покачал головой в стороны, явно не в силах уже слушать гневные вопли толстяка.

– А справа... – сделал паузу лавочник, – человек, которому я крупно задолжал, – его голос зазвучал робко.

– И ты проиграл ему лавку своего двоюродного брата в карты? – задал вопрос Нокт Бэллус.

– Да, – тихо и совсем несмело вытолкнул это слово торговец.

– Узнаешь? Твоей рукой подписано? – спросил герцог, показывая бумагу, которую ему предоставил темноволосый мужчина. Лавочник покорно кивнул.

– Вам есть, что противопоставить этой бумаге? – вдруг спросил правитель тучного купца, хмурия брови.

– А что я обязан предоставить, подтверждение о том, что лавка моя? – удивился толстяк. – Вот оно, – довольно заявил он, достав из-за пазухи скрученный в трубку пергамент.

– Вообще-то, договор, в котором разрешается управлять лавкой посреднику, – уточнил герцог, переводя взгляд на ответчика.

– И он у меня при себе, но ведь там, ни слова о том, что он может продать мою лавку? – взволнованно ответил купец, вынув из-за роскошного платья второй пергамент.

– А вы его внимательно перечитайте! – повелел правитель.

В следующий момент от напряжения и тревоги морщины на лбу купца изогнулись, чуть ли не дугой.

– Если бы вы его читали, то вам, наверняка, было бы известно, что торговец, нанятый вами, имеет частичные права на вашу лавку, – объяснял герцог. – Он так же может сдать её в аренду или продать, пока вы в отъезде, но деньги обязан всё равно отдать вам, так что, сетуйте на родственника, а не на этого гражданина, – попытожил Нокт Бэллус. Ответчик победно заулыбался, отчего купца чуть не вывернуло наизнанку. Разочарованный и ввергнутый в омут ярости, он разорвал свои пергаменты и, крепко схватив своего брата за плечо, с силой поволок к выходу.

– Благодарю, Ваше Сиятельство, за справедливый приговор, – раболепно произнёс темноволосый мужчина, приклонив колено и утайкой сунув кошель с золотом под дорожку из лисьих шкур. После чего он быстро покинул тронный зал. Едва двери затворились, как утомлённый правитель расправил плечи и расслабленно вжался в спинку трона, обшитую мягким соболиным мехом.

– Порой слушать их невыносимая пытка, – признался герцог, не скрывая презрения и раздражения. Закрыв веки, Бэллус неожиданно провалился в нежные успокаивающие объятия дремоты. И вдруг голос стражника разорвал эти сладостные мгновения, подобно мечу рассекающему плоть. Сердце Бэллуса яростно забилось, а в глазах заискрился гнев.

– Ваше Сиятельство, к вам советник со срочными донесениями! – оповестил охранник.

– А до завтра он подождать не в силах?! – огрызнулся герцог. Морщины от возмущения так и заиграли на его лице, будто гребни волн в дуновении ветра. Видя мрачность своего государя, стражник, с осторожностью присущей мышши, категорично покачал головой.

– Пусть заходит, – недовольно буркнул Бэллус, безнадёжно махнув рукой. Едва ворота отворились, в залу торопливой походкой влетел, подобно соколу, пикирующему за добычей, охваченный какой-то странной тревогой мужчина средних лет в дорогом атласном платье, цвета тёмного шоколада. Советник спешно поклонился, после чего в несколько прыжков, минуя дорожку из лисьих шкур, подскочил к герцогу и прошептал ему на ухо свои важные донесения. Лицо Бэллуса тут же исказилось пламенной злостью, глубокие борозды морщин,

пролежавшие на лбу, нависли над бровями, точно солдаты над пленными, а глаза засверкали дикой яростью. Правитель сжал от напряжения кулаки так, что щёлкнули пальцы, и держался изо всех сил, чтобы не выплеснуть из себя скопившуюся бурлящую, точно океан во время шторма, неистовость.

– Благодарю за столь ценные сведения советник, – грудным басом произнёс герцог, нервозно проскрипев зубами.

– Гарвель! – резко обратился к телохранителю Бэллус. – Немедленно найди мне капитана Бальма, пусть срочно придёт в мой кабинет! – распорядился герцог. Стражник, отложив алебарду к стене, стремглав помчался выполнять поручение своего господина. Сам же правитель вскочил с трона и спешно удалился из тронного зала в свой кабинет.

Герцог Нокт ворвался в просторную комнату с плотными чёрными занавесями, подобно свирепому урагану, беспощадно сметающему всё на своём пути. Не щадя сил хлопнув дверью, Бэллус за пару широких шагов подскочил к высокому шкафчику из эбенового дерева, распахнул его, резко дёрнув за ручки из слоновой кости, и вытянул глиняный кувшин, расписанный алыми узорами. Затем правитель подошёл к лакированному дубовому столику на вогнутых навстречу друг другу полукруглых ножках и доверху наполнил рубиновым вином, стоявший в одиночестве фужер.

– Кромат Тронэр, этот жалкий напыщенный индюк! Мало того он унизил моего сына, мне нанёс оскорбление, которое теперь подобно гноящейся ране мучает меня, так оно ещё и Вэйтстоун к рукам своим прибрал! – разозлено ворчал герцог, жадно утоляя свой гнев креплёным Темеросским вином. Но даже этот дорогостоящий напиток не мог унять бушующий шторм ненависти в сердце правителя. – Вэйтстоунские псы, они полагают я буду прыгать перед ними на задних лапках, словно покорная собачонка, да ни за что на свете! – распинался перед собой Бэллус. – А этот самоуверенный предатель Фрост, ... пусть только посмеет посягнуть на мои владения, он познает всю мою ярость, когда я своей рукой в железной перчатке сдавлю ему горло, он ощутит разящую кару меча Фивисвэйла, обращающего его войско в груды трупов! А если ещё и Вэтфэльд протянет руку этому вероломному выскочке, то его столица обратится в груды камней!

– Ваше Сиятельство, вы желали меня видеть? – осторожно постучав в дверь, боязливо спросил капитан, позвякивая латами.

– Заходи! – приказным тоном разрешил Бэллус, жадно осушив фужер с вином и звонко поставив его на стол. Сдавленный кулаком лёгкого трепета, Бальм – невысокий худощавый мужчина с чёрными кудрями, окаймлявшими его узкие плечи, нырнул в кабинет и застыл, как ледяное изваяние, пригвожденный свирепым взглядом правителя.

– Близится рыцарский турнир в Вэйтстоун и мне нужно, чтобы голова Кромата Тронэра болталась у меня на пике! – с пылкой категоричностью выставил свои требования Нокт Бэллус. – А посему безотлагательно свяжись с Близнецами и обсуди с ними этот весьма деликатный вопрос.

– Как будет угодно моему государю, – преданно посмотрев на Бэллуса, безропотно отчеканил капитан.

– И ещё, впредь я более не желаю видеть на пороге моего города этих вырожденков в красных плащах из ордена Нэраэля! – посуровев, дополнил герцог настоятельным тоном, смешанным с презрением и надменностью.

– Можете уже не беспокоиться по этому поводу, – уверил Бальм.

– Посмотрим, – невнятно пробормотал градоправитель. – А то я уже даже не знаю что хуже, надвигающаяся война или восшествие на трон Кромата Тронэра, – в замешательстве произнёс Бэллус. Затем он вскочил с кресла, будто кнут вот-вот отведает его спины своим жгучим шероховатым языком, и принялся суматошно расхаживать по комнате, с новой силой продолжая разгневанно бунтовать:

– Мои предки издревле властвовали на Ардоре, а затем Фросты бесцеремонно обрушили свои задницы на престол! И всё бы ничего, но нет ведь, теперь эти мерзопакостные Тронэры со своим Вэйтстоуном! Если они надеются, что я отдам им хоть малую дольку своей армии, то они глубоко заблуждаются. Пусть крепко держатся за яйца и отбиваются собственными силами! Даже под страхом смерти я не признаю власть этих высокомерных выскочек! Ни за что!

– Господин мой, с вашего позволения я хотел бы откланяться и как можно скорее выполнить ваше поручение, – вмешался в иступлённое излияние колючего недовольства своего правителя, капитан, боязливо косясь на Бэллуса. По правде говоря, горячность герцога многие не любили, но боялись его твёрдых обещаний, сказанных «в сердцах», а особенно с каким-то жёстким кровавым рвением.

– Тогда, во имя Дэрэгруса, почему, ты ещё не убрался?! – огрызнулся Нокт, взглядом испепеляя подчинённого. Бальм, стараясь не испытывать терпение государя, немедленно выскочил за дверь, за которой ещё какое-то время слышались гневливые крики градоправителя.

Глава 4

Вечер. Солнце клонилось за горизонт. Грузная пелена серых туч почти растворилась в голубых волнах небес. Даридий, терзаемый ознобом, накинул капюшон, чтобы укрыться от надоедливых лучей. Грустно посмотрев на пустую деревянную кружку, мужчина устало вздохнул и хлопнул ею по столу.

– И почему же, чёрт возьми, я не могу напиться и забыть обо всём этом хоть на один вечер! – гневно буркнул охотник. В таверне было тихо, так что мужчины, сидевшие неподалёку, удивлённо обернулись на странного незнакомца.

– Трактирщик, подай ещё одну! – махая пустой деревянной кружкой над головой, потребовал Даридий, притворившись захмелевшим, – и жареной рыбы принеси!

Пузатый, невысокий лысый мужчина с серыми усами в белом фартуке, испачканном жиром, суетливо поспешил обслужить гостя. Когда деревянная кружка и тарелка хлопнулись на стол, Даридий медленно протянул пару серебряников и зажал их в дрожащей ладони, прежде чем отдать.

– Скажи мне, трактирщик, – огорчённо посмотрев на мужчину, вяло произнёс гость, – почему все так неблагодарны тем, кто несёт в этот развратный предательский мир свет и добро? Почему людям так мало обрётённой власти, они хотят ещё и ещё, больше и больше! Зачем?! – рассерженно прикрикнул Дэрд, впиваясь взглядом в мужчину, точно желая разорвать его.

Трактирщик, пожав плечами, испуганно взглянул на странного гостя и быстро одёрнул руку от серебряников, будто бы от раскаленного чугуна.

– Да не бойся ты, – как-то разочаровано взглянув на хозяина трактира, отмахнулся Даридий и двинул монеты к краю стола. С опаской, как набедокуривший пёс, трактирщик глянул на вспыльчивого гостя, немедленно взял плату и, не оборачиваясь, поспешил обслужить других посетителей. Дэрд равнодушно посмотрел на кружку, из которой вытекала пышная белая пена.

– Неужели тебя и вправду так сильно волнуют задаваемые вопросы? – удивился Морк, разразившись металлическим громом в голове полудемона.

– Ты всё равно не поймёшь, как ни старайся, – Дэрд попытался избежать нежеланного мысленного разговора с древним духом. Тем не менее, превозмочь неутомимый интерес Морка ему оказалось не под силу.

– Это странно, ... ты – существо куда могущественнее, чем эти жалкие людишки, так почему ты не пытаешься изменить мир, в которых они, на твой взгляд, абсолютно неправы. По какой причине ты, напрасно убиваясь, лицезреешь, как они пляшут на своём выдуманном апогее?

– Я не мой брат! – категорично заявил Даридий, сжав кулаки с такой злобой и силой, что даже костяшки побелели. – Думаешь, меня не посещали подобные мысли? Очень и очень часто, едва ли не каждую ночь они клевали мой разум, подобно коршунам, пока я не уразумел, что мне не следует вмешиваться в порядки нынешнего мира. Я пережиток истории, потерявшаяся во времени деталь. У меня нет прав ставить людей на колени и ни у кого их быть не может, кроме как у богов. Я лишь могу оберегать этот мир от мистических потусторонних сил, желающих навредить установившему порядку. Я затворник на границах совершенно разных вселенных.

– Но ведь гнетёт тебя совсем не это?

– Да ... не это, – признался Даридий, устремив взгляд, омрачённый печалью и злостью, к солнцу, плавящемуся в горне вечера, где золотые лучи обращались в раскаленную алеющую реку. – Я нарушил клятву, давным-давно данную самому себе, – с горьким презрением мысленно ответил Дэрд. – Безудержная ярость сломила мой стержень терпения и завладела мной. Моими руками она свершила свою праведную кару. Убив насильников в лесу и правителя

Виллфорта с частью его охраны, я не просто предал свои убеждения, я подчинился демону, которого божился держать в темнице собственного зла. Теперь он рьяно просится наружу, и я боюсь, что не смогу его сдержать. Знаешь, а ведь мой брат был прав, я чужой в этом мире, люди боятся меня, я никогда не стану для них своим, – грустно подумал полудемон, уставившись на пиво, ползущее змейкой по столу. – А что если я на самом деле сражаюсь ни за что?

– Немедленно прекрати говорить этот вздор! Ошибки бывают у каждого, но это не повод, чтобы сбросить всё в беспросветную пропасть поражения. Защищай этот мир, ставший тебе домом, и не позволяй разрушить его, даже собственному брату! – наставил Даридия Морк.

– Я так и сделаю, только сперва силы восстановлю. Выпускать демона наружу, знаешь ли, имеет свои нехорошие последствия, – мрачно усмехнулся Даридий, поднося кружку с пивом к подрагивающим губам.

Внезапно заскрипела дверь, и в таверну вломилось трое задиристых напыщенных стражников в дорогих кольчужных доспехах с латными пластинами на плечах, предплечьях, бёдрах и голени. Поверх звонкого металла, на торс было надето сюрко в чёрно-зелёную клетку с изображением золотого коронованного восстающего грифона (гербом Вэйтстоун). На ремнях у каждого стражника укреплённые металлическими бляхами и полосами висели ножны из чёрной кожи, из которых выглядывали матово-серые гарды рапир.

Мужчины важно ступали меж цепочек столиков, брэнча кованными сапогами, по дощатому полу, надменным взором окидывая гостей таверны. Корча злобные гримасы, и угрожающе постукивая пальцами по ножнам, задиры тешились над захмелевшими посетителями, которые не решавшимися пойти с ними на конфликт. Самый высокий и худощавый из стражников, чьи русые вьющиеся волосы ниспадали на плечи, устремил похотливый пожирающий взор на симпатичную черноволосую женщину в ситцевом бледно-алом платье, убиравшей со стола пустые тарелки и кружки. Лукавой и одновременно нахальной улыбкой он дал знак своим товарищам для зачина беспорядка. Они выгнали некоторых посетителей с их мест, после чего с грохотом перевернули деревянную утварь. После этого задиры соединили следующие два стола, выставили перед ними скамьи и, сняв с головы стальные шлемы с бармицей, нарочно позвякивая кольчужными кольцами, надменно поставили их на столешницы. Затем они важно расстелись на скамьи, раздевая озорными сластолюбивыми взглядами понравившуюся женщину.

– Чур, я первый! – по-мальчишечьи вскочив со скамьи, заявил русоволосый стражник, глупо улыбаясь.

– Помнится, ты в прошлый раз уже выпускал своего червяка, так что остынь, – попытался задержать товарища яйцеголовый щекастый бородач с залысинами.

– Да ладно тебе, он всё равно недолго! – отпустил острую шутку юноша с прилизанными тёмно-русыми волосами. Холеричный стражник злобно ощерился и пригрозил ему кулаком, после чего вприпрыжку приблизился в женщине и медленно провёл по её бёдрам к ягодицам. Наглое движение руки было остановлено смелым ударом. В ответ стражник бесцеремонно схватил её за шею и прислонил к себе, щекоча языком ухо своей «добычи». Раздался глухой грохот падающей деревянной посуды, а вместе с ним громкий шлепок. Мужчина ошеломлённо стоял перед полыхавшей гневом женщиной и неспешно вытирал большим пальцем кровь с разбитой губы. Его товарищи неодобрительно расхохотались.

– Значит, любишь, когда с тобой обращаются грубо, хорошо! – похотливо протянул стражник, крепко схватив обеими руками женщину за талию и с необузданной страстью пытаясь поцеловать её в губы. Тишину разорвал болезненный надломленный мужской крик. Стражник разъярённо оттолкнул от себя женщину и обнажил меч, прикрывая ладонью окровавленную шею. Даридий, мирно сидя за столом неподалёку, терпеливо наблюдал за развязкой опрометчивого бардака.

– Собираешься прирезать её прямо на глазах у всех, как опрометчиво... – осудительно посмотрев на наглеца, вмешался Дэрд, жая каждой иголкой сарказма.

Стражники оглянулись на незнакомца. Яйцеголовый мужчина, поглаживая свою пышную каштановую бороду, сделал шаг к Дэрду. Он злобно произнёс, перекосив губы в омерзительной гримасе:

– Жрал бы ты лучше свою рыбу да помалкивал!

– Да, ребята, манерам вы скверно обучены, – пропустив угрозу, как песок сквозь пальцы, покачал головой Даридий.

Стражник с обнажённым мечом, сердито нахмутив брови, подошёл к назойливому незнакомцу и, вылив ему на голову пиво, злобно предупредил:

– Как только я закончу с ней, дело и до тебя дойдёт!

Но Даридий не обратил внимания на стекающий по волосам алкоголь.

– Ты? – освободив очередную усмешку изо рта, глумливо выпалил он. – Да ты наверняка по нужде один присесть боишься, всегда дружков своих берёшь!

Стражник сморщил от гнева лицо и крепко сжал рукоять оружия. По скулам забегали желваки, точно зароились живые черви.

– Ты всегда такой обидчивый? Смотри от злобы юбку не намочи! – саркастически усмехнулся Дэрд, скрестив руки у груди.

Подобный жест сделал усмешку много оскорбительнее, низвергнув сознание стражника в бездну необузданной ярости. Он отступил на шаг от стола, где сидел Даридий и размахнулся мечом, вложив в удар всю силу. Сталь вклинилась в деревянную мебель, взметнув в воздух брызги из щепок. Полудемон, благодаря своей ловкости, избежал смертоносного удара, пригнувшись на скамью. Немедля, он резко вскочил с неё, схватил со стола кружку и со всей силы метнул её обидчику в голову. Утварь с треском развалилась на несколько кусков, ударившись о лоб мужчины, который тут же бесчувственно грохнулся на пол.

– Зря ты это сделал! – сквозь зубы угрожающе процедил бородатый стражник и, со свистом выхватив меч, начал жестоко атаковать. Дэрд не растерялся, видя, как внезапно вынырнувшее из ножен лезвие опускается к его шее; он отбил удар, подставив под клинок предплечье, облачённое в стальной пластинчатый наруч. От злости на голове стражника вздулись вены и он, свирепо зарывчав, продолжил атаковать. Уклонившись от пары непродуманных выпадов, Даридий крепко схватил лезвие левой рукой, после чего, изловчился и правой наотмашь саданул костяшками нападающего в челюсть. Бородач выронил оружие из непослушных расслабленных рук и, постанывая, немощно растянулся на полу. Тогда третий стражник, с виду спокойный юноша, взбешённо закричал и вонзил кинжал полудемону в подставленную для защиты раненую ладонь. Дэрд, леденящим душу озлобленным взглядом встретил разъярённые отчаянные глаза юноши и крепко сдавил его горло здоровой рукой.

– Отпусти, прошу, отпусти! – краснея от удушья, с трудом выговаривая слова, взмолил юноша, отчаянно хватаясь обеими руками за напряжённое мускулистое предплечье полудемона.

– Как же ты жалок, – напряжённым басовитым рыком отозвался Дэрд, приподнимая мужчину над землёй и наслаждаясь его страхом. Что-то дикое и злобное проснулось в дремучих каменных дебрях его души. Полудемон почувствовал пьянящий прилив сил, вызывающий приятный притягательный гнев. Мышцы на руке Даридия, которой он держал юношу, вздулись и начали становиться больше и больше. В горле появился скрежет, плавно перераставший в неконтролируемый рык, а в глазах блеснуло пламя.

– Одумайся, что ты делаешь?! Эта жестокость не принадлежит тебе, умири своего зверя! – приказал Морк, оглушительным металлическим надломленным хрипом разразившись у Дэрда в голове, причиняя вискам такую боль, словно в них ввинчивали шурупы.

– И вправду, что же я такое творю? он ведь всего лишь мальчишка. . . , – опомнился Даридий, ослабляя смертоносную хватку и отпуская перепуганного юношу.

– Он чудовище! бежим скорее отсюда! – потрясённый враждебным бездушным взглядом полудемона, панически закричал юноша. Он без оглядки бросился бежать, натываясь на скамьи и стулья. Даридий, прислонившись спиной к стене, обессилено сполз по ней на пол.

– Трус, – озлоблено процедил вслед убежавшему товарищу бородач, поднимаясь на ноги и болезненно держась за челюсть. В его глазах светилось намерение добить раненого неприятеля. Вооружившись длинным кинжалом с узким лезвием, похожим на огромную иглу, стражник наступал, уверенный в беззащитности врага.

– Не думай, что теперь просто так отделаешься! – в преддверии расправы, ухмыльнулся бородач, готовясь нанести удар.

– Бросай кинжал иначе твой дружок останется без головы! – выставила условия черно-волосая женщина, приложив меч к горлу очухавшегося задира, в глазах которого заплескались искры страха.

– Тебя повесят, если ты посмеешь..., – бородач не успел договорить, его перебил испуганный визг товарища:

– Чёрт тебя подери, делай, как она сказала, я не хочу умирать! Бородач волей-неволей повиновался требованиям женщины.

– А теперь пошёл вон отсюда! – приказала она стражнику, снедающего себя неудачей. Кляня всё на свете, бородач направился к выходу, проводив окружающих его людей ненавистным испепеляющим взглядом. Далее женщина, не опуская лезвия меча, нацеленного в шею заложнику, дождалась, когда он поднимется с пола и дойдёт до входной двери.

– Эй, может, снаряжение вернёшь, нам за них головы оторвут, – как-то жалобно попросил заложник.

– И правильно сделают! – непреклонно ответила женщина, остриём оружия ткнув стражника в левую лопатку. – Ваши шлемы и мечи останутся у нас в качестве восполнения ущерба, а теперь проваливай, пока тебе не пришлось кольчугу и сапоги здесь оставить! – потребовала она. Стражник, не перечая, вышел из таверны и направился к своей лошади, где его ожидали озлобленные товарищи.

– Дождёмся, когда она выйдет, и оторвём ей голову! – решительно заявил бородач, свирепо ударив кулаком в ладонь.

– Так и сделаем! – оскалившись, как дикий зверь, поддержал план напарника светловолосый задира.

Тем временем женщина бросила меч к прилавку изумлённого трактирщика и, убирая с лица пряди растрёпанных чёрных волос, поспешила к своему заступнику, истекавшему кровью. Опираясь на здоровую руку, Даридий попытался подняться, прижав к груди согнутую в локте раненую руку. Ручейки крови, изливавшиеся из раны, красной паутиной протянулись на одежде. Женщина волнительно осмотрела тяжёлое увечье незнакомца.

– Нужно прижечь раны, а иначе...

– А иначе что? – с пренебрежением перебил работницу, пронизывая её сердитым взглядом, трактирщик, принявшись собирать с пола дорогостоящие шлемы и мечи убежавших стражников.

– Он же умрёт тогда! – встревоженно воскликнула женщина.

– Ха, проблема-то! – безразлично усмехнулся хозяин таверны, любясь шлемом. – Ты лучше проверь евошные карманы да отойди от греха подальше!

– Как же ты можешь быть экой гнусной бессердечной сволочью! Этот незнакомец вступился за меня, а ты, трусливо поджав хвост, прятался в углу и, немотствуя, глядел, как над мной издеваются, да после эдакого тебя человеком назвать язык не поворачивается! – возмутилась женщина, с презрительным укором смотря на равнодушную физиономию трактирщика.

– Ах, вона как ты заговорила! В таком случае больше не являйся сюда! – сердито буркнул хозяин трактира, повернувшись к женщине спиной, надменно задрал голову и скрестив руки у груди.

– И не подумаю даже! – бросила в ответ женщина, вынув железную кочергу из камина, где, задорно потрескивая, тлели раскаленные угли. Трактирщик озлобленно фыркнул и положил полученные трофеи под свой стол. Женщина попыталась прижечь рану на ладони своего заступника раскалённым металлом.

– Не нужно, – одернув руку, пробасил Даридий.

– Да куда же вы с этакой раной-то пойдёте? Скоро стемнеет, а до ближайшего селения в таком состоянии вам не дойти! – упрямо настояла женщина.

– Я крепче, чем кажусь, – тщетно пытаюсь подняться, противился Дэрд, скривив губы в жалком подобии на улыбку.

– Оно и видно, – возразила женщина. Затем она схватила изувеченную руку своего настырного заступника и прижгла рану, зияющую жуткой кровотокающей щелью.

– Спасибо, – намереваясь скрыть смущение, сухо ответил Дэрд. Давным-давно он отвык от людской доброты и женской заботы, свыкшись со своим томительным одиночеством.

– Должна же я была вас хоть как-то отблагодарить, – настойчиво сказала женщина с какой-то спрятанной в голосе нежной опекой, помогая Даридию встать на ноги. Затем она заглянула в изумрудные глаза незнакомца и, точно неведомая колдовская сеть неотвратимо пленила её разум. Обаяние демонов – древняя неразгаданная сила пробуждала в смертных существах множество смешанных чувств и усиливала преобладающее среди них.

– Мне страшно выходить одной, – тревожно произнесла незнакомка вслед прихрамывающему мужчине, крепко ухватив его за руку и повиснув на ней, напоминая своим поведением больше обожающего отца дочь, нежели взрослую независимую женщину.

– Так и быть, я провожу вас, указывайте дорогу, – выдержав паузу, неохотно согласился Даридий; дурное предчувствие преследовало его, а душу, словно когти гарпии, скребло волнение.

Тут дверь заскрипела, и пара покинула таверну. Женщина, точно скрываясь за каменной стеной, трепетно прижалась к своему спутнику, ведшего под уздцы своего верного вороного скакуна. Стражники, подстерегавшие жертву своей несмолкаемой кровожадной мести, растерялись, встретив суровый взгляд незнакомца, пронзивший испугом их оробевшие умы.

– Поехали отсюда! – смирившись с горькой неудачей, озлобленно процедил сквозь зубы задира, развернув коня. Его товарищи не стали препираться и последовали за ним.

– Простите, что из-за меня ваша рука пострадала, вы же теперь... – женщина не успела договорить, её волнительный голос, разбавленный минорными нотами вины, был оборван.

– Тсс, не тревожьтесь за меня, главное, что вы в безопасности, – ответил с лёгкой улыбкой на лице Даридий, не выдавая беспокойства. – Вы и так мне достаточно отплатили своей добротой.

– Но вы для меня сделали намного больше, – прошептала еле слышно женщина. Её глаза посетил нескрываемый восторг. Дэрд уловил его, и это вызвало в нём тщательно скрываемые терзания. Внезапно его сердце пронзила острая боль, ноги подкосились, дыхание отяжелело, грудь сдавило, по коже пробежал озноб, который с каждым мгновением начинал пробираться до самых костей.

– Что-то не так, – подумал Даридий, не лишая свои мысли подступившего страха. Что со мной такое? – обеспокоился полудемон, задрожавшей до онемения рукой теряя выскальзывающую уздечку. Земля под ногами поплыла, в голове расплылся оглушительный звон, будто кто-то незримый с поразительной мощью, не присущей смертному, ударял под ухом кузнечным молотом по наковальне. Вдруг перед глазами у Дэрда всё померкло, и он немощно упал на землю, ввергнувшись в туманный омут беспомощности.

Даридий тяжело приподнял веки и неясным взором огляделся, не отрывая головы от подушки. По лицу скатывались капли тёплой воды. Горячий лоб охлаждала мокрая повязка.

– Где я? – в недоумении спросил Даридий вошедшую в комнату женщину. Он не сразу признал недавнюю знакомую, да и с распушенными волосами она выглядела крайне непривычно. Чёрные, как гребни волн, кудри спадали на стройные оголенные плечи. После глубокого сна, взгляд Даридия был всё ещё мутен – предметы выглядели размазанными и сокрытыми какой-то странной пеленой.

– Не волнуйтесь, я перевязала рану, вам нужен покой, – кротко ответила незнакомка, присев на кровать, возле больного. Заботливое прикосновение её руки вызвало непроизвольную дрожь в теле.

– Мне нельзя здесь оставаться, это всё может плохо закончиться! – категорично заявил Даридий, тяжело глотнув воздух.

– Да как же вы не понимаете, рана может открыться в любой момент! – сердито сдвинув брови, встревожилась женщина. Правда, взгляд её излучал совершенно иные мотивы, а по страстным движениям губ, можно было утверждать, что отпускать больного она была не намерена.

Даридий не стал искать в себе мужества спорить, он лишь устало потёр виски пальцами здоровой руки. Морк растворился в чистоте сознания, и только тревога обвила сердце ядовитой змеей.

Женщина осторожно коснулась плеча Дэрда, оторвав его от тягостных раздумий. Его незатейливый взгляд, тёплым лучом коснулся души незнакомки. Её глаза вновь вспыхнули восхищением; очарованная изумрудной зеленью глаз полудемона, женщина внезапно захотела сбросить с себя одежду, мешающую, как ей казалось, дышать. Что-то непонятное манило её в таинственную колдовскую глубину этих нечеловеческих глаз, тускло светившихся в сумраке соломенно-золотым огнём. Это пробуждало неестественную нежность, страсть и... неусмиримое плотское желание. Плавно скользя по приятным изгибам тела, жёлтое платье скатилось к ногам женщины. С кокетливой улыбкой она заглянула в глаза Даридию, проникаясь их магическим соблазном.

– Ты, – играя кончиками волос, ласково прошептала незнакомка, не отрывая взгляда от Даридия. – Вернее, твои глаза, – экзальтивно шептала девушка, – они такие загадочные, как звёзды, что дарят нам свой блеск.

– Я хочу, чтобы ты остался... – умиленно попросила женщина, приложив горячую ладонь к сердцу Даридия., – прошу, останься хоть на одну ночь.

– Это не лучшая идея, – осторожным полушёпотом предупредил Дэрд.

– Мне уже всё равно, просто будь со мной эту ночь, – приложив палец к губам желаемого мужчины, нескромно настояла незнакомка, медленно стянув с него одеяло. Пленительная нагота женского тела и успокаивающий запах ландыша заставил Даридия забыть о предвзвесах и мнимом беспокойстве. Он ненамеренно прильнул к нежным губам незнакомки. Её кожа, что бархатное покрывало коснулось горячего тела мужчины, унимая дрожь. Женщина крепко стиснула его талию бёдрами, издав лёгкий протяжный стон. Кончиком языка Дэрд приоткрылся к краю её груди, прерывисто несдержанно задышав. Казалось, время для них обоих в этот момент застыло. Их страстные, порывистые, как штормовой ветер, дыхания и сладострастные стоны сливались в унисон. Каждый изгиб женского тела дарил Даридию, давно забытое в потоке нещадного сурового времени наслаждение.

Масло в лампе заканчивалось. Пламя тускнело. А страсть двух необузданных сердец неудержимо продолжала изливаться наружу. И даже когда тьма наконец-таки сковала комнату, слабо озаряемую догорающим огнём лампы, упоённые стоны продолжали дарить ночной тишине свою прекрасную чувственную мелодию.

Едва лучи утреннего солнца проникли в комнату, отогнав тень ночного полумрака, Даридий резко открыл глаза и насторожился. На душе у него точно гарпии скребли. Незнакомка сладко спала у любовника на груди, жадно обняв его, точно он самое дорогое, что у неё есть. Тревожить её беззащитный сон, Даридию не хотелось, но беспокойство, подобно скалам, прижавшим своими исполинскими телами землю, давило на него так, что он хотел немедленно вскочить с постели и убежать.

– Что же я наделал?! – взволнованно подумал Дэрд.

– Подарил ей удовольствие, кое ей не приходилось испытывать за всю свою жизнь! – попытался отвлечь полудемона от тягот размышлений, набегающих, как стадо свирепых буйлорог, Морк.

– Сейчас не время... погоди, что? Ты прочёл её мысли?! – возмутился Даридий. Брови его изогнулись от гнева. – Зачем ты это сделал?! Ты не имел права так бесцеремонно поступать! – Дэрд со щелчком яростно сжал кулаки.

– Успокойся! – оглушительным металлическим громом расплозлось недовольство древнего духа у полудемона в голове. Вздыхающаяся из глубин души неистовость тут же исчезла.

– Да что же со мной происходит?! – теряясь в неведении, точно лодка в безбрежном морском тумане, напряжённо думал Даридий. Он приложил раненую ладонь тыльной стороной ко лбу, но потом резко одёрнул её – боль никуда не исчезла.

– Почему я не исцеляюсь? – удивлённо спросил у Морка полудемон. Ответа не последовало. – Не молчи! С тех пор, как ты поселился в моём теле, со мной начали происходить непонятные вещи!

– Я несколько не повинен в этом! – весьма агрессивно возразил подозрениям Даридия древний дух.

– Словно, всё это началось с тех пор, когда я убил Ликтэрия, может он проклял меня?!

– Что ты сейчас сказал? – обеспокоенно заудел Морк. – Ты хотя бы знаешь, что за имя ты только что произнёс?! – обвинительным тоном сказал он. Даридия подобная реакция древнего духа тут же смутила.

– Я вижу, тебя это сильно задело?

– Ты даже не представляешь насколько! Ликтэрий – ужасный сотканный из нитей мрака, змей, пожирающий свет. Он вестник Даркцэуса – самого коварного из всех демонов. Из легенд мне известно, что он посягнул на трон своего отца, между прочим, последнего из старших демонов, Тэрбиуса. Восстав против него и проиграв, он навсегда принял клеймо предателя и лишился короны правителя Аркдэна. Всех демонов, поддержавших Даркцэуса, Тэрбиус немедленно казнил, а сына из милосердия и любви изгнал из пламенной бездны в самое гнусное место на территории Аркдэна. Одарив его позорным, как считали все демоны, статусом повелителя «Страдальни душ», навсегда сделав его королевство – его же тюрьмой. Даркцэус навсегда стал затворником. Конечно, в делах демонов я не сведущ, к великому сожалению, но, видимо, их мир тоже наполняют войны и, если это так, то могу смело утверждать, что Ликтэрий был спущен его хозяином с поводка неспроста. Наверняка, Даркцэус жаждет отомстить отцу, а если уж его вестник появился в нашем мире – план возмездия грозит разразиться неминуемой катастрофой! – обеспокоенно заявил Морк.

– Но ведь по-настоящему мы не уверены в чём причина? – подметил Даридий, стараясь заглушить тревогу древнего духа, от которой у него жутко стала раскалываться голова.

– Пожалуй, ты прав, – согласился, успокоившись, Морк. – Лишь сами демоны могут поведать нам истинность происходящего в их мире...

Внезапно с улицы донеслось озлобленное ржанье коня Даридия, заставившее прервать мысленную беседу хозяина с древним духом. Дэрд вскипел от ярости и, не заботясь более о покое незнакомки, вырвался из её объятий и вскочил с кровати, ища взглядом свою одежду и

оружие. В спешке натянув на себя штаны и сапоги, он отыскивал ножны, замотанные в чёрную ткань, и незамедлительно поторопился на шум. Женщина, обескураженная волнением мужчины, грубо оборвавшим её блаженный сон, села на край кровати. Старательно потирая ладонями лицо, она пыталась избавиться от апатии. И когда она пришла в себя, то второпях накинула рубаху, и выбежала вслед за Даридием.

Лучи солнца медленно меркли за грузной взбитой серой тучей. Прохладный ветерок слегка покалывал кожу. В глазах притаилась тревога. Рука всё крепче стискивала рукоять клинка. Даридий обогнул дом и вышел на тропинку, ведущую к сараю, где бил по земле копытами и разъярённо ржал, крутя мордой во все стороны, чёрный конь. Его усердно тянул за узду какой-то странный незнакомец, плотно закутанный в плащ из чёрной кожи с капюшоном и маской.

– А ну убери руки! – угрожающе приказал полудемон, на ходу развернув чёрный свёрток и обнажив клинок.

В этот момент незнакомец обернулся на голос и неуловимым для глаза смертного лёгким движением пальцев сбросил с головы капюшон и открыл маску. Как у покойника, бледно-сизая кожа, засверкала в гаснущих лучах солнца точно расплавленное серебро. Изящно вытянутое лицо с сильно очерченными скулами, длинным заострённым носом и высоким гладким лбом украшали иссиня-чёрные изящные узоры с колющими полукруглыми гранями. Даридий сразу же узнал эльфийский орнамент, а выцветшие до снежной белизны волосы, аккуратно зачёсанные на затылок и длинные уши, проколотые рядами золотых колец не оставили сомнений – Это был Ликирианский эльф. Отпустив уздечку, он безразлично взглянул на Даридия своими солнечно-жёлтыми глазами и его аспидно-синие губы изогнулись в едва уловимую надменную улыбку. Конь тревожно бросился к своему хозяину; казалось, он пытался предупредить его об опасности. Однако Дэрд потрепал его по холке и лёгким движением ладони попросил уйти; зверь неохотно отступил.

– Узнаю этот меч, – поводя густыми белыми раскосыми бровями, ухмыльнулся ликирианец, наблюдая за тем, как остатки солнечного света, пожираемые влажным чревом серой тучи, отражаются от демонических рун, испещрявших клинок.

– Кажется, мы всё уже решили в прошлый раз, Гельдас, – хладнокровно заявил Дэрд.

– Вижу, ты запомнил меня, но на сей раз ты не отвертись, полудемон, – произнёс высокомерно эльф, стягивая с рук чёрные кожаные перчатки.

– Передай своему хозяину, что моей крови...

– Не испытывай моего терпения, полудемон! Сложи оружие, и тебя не придётся нести по кусочкам! – перебил Даридия леденящей угрозой эльф, сделав шаг навстречу. – Ведь в моём задании не было оговорок, каким следует тебя доставить, – поддразнивая, съязвил ликирианец.

– Довольно, скалиться! Катись в Аркдэн, пока я тебя туда сам не отправил! – категорично высказался Даридий, направив на врага остриё клинка. Вскоре последний блик солнца исчез на нём, установив напряжённую тишину, которую ликирианец прервал гортанным смешком, превратив угрозу полудемона в нелепую шутку.

– Быть по сему, значит, – злонамеренно прошипел себе под нос эльф, сердито сдвигая брови. После он резко развернулся, изображая свой уход. Даридий отвлёкся на взметнувшийся плащ, похожий на взмах чёрного драконьего крыла. Этой незначительной секунды хватило, чтобы пропустить коварный удар врага. Присев, ликирианец бросил в свою недвижимую мишень три, острых как бритва, ромбовидных лезвия. Такой метательный нож выполнялся из слияния особо лёгкого крепкого и жаропрочного металлов, калёных в яде и серебряной крови единорога. На этот же случай, Гельдас дополнительно обработал их жгучими токсинами горчелиска и нанёс на них руны, скреплённые противодемоническим заговором.

Едва метательный нож вонзился в грудь жертвы, как начал невыносимо жечь мускулы, будто поливая их раскаленным маслом. Выпустив меч из рук от лютой боли, скручивающей

в узел, Даридий попятился назад и припал на колени. Стараясь вытащить из тела, глубоко застрявшие мученические лезвия, он не жалел собственные пальцы, разъедаемые ядом до костей.

– Узнаёшь? – ехидно улыбнулся Гельдас. – Яд горчелиска, тот самый, которым ты убил моего брата, задев кинжалом ребро. Он жёг его до тех пор, пока кости не превратились в кашу, пока усталость не съела его, пока ты... – ликирианец гневно сжал зубы, нависнув над корчащимся в муках противнике. – Ладно, неважно! – резко отпрянув от него, сухо бросил эльф. – В прошлый раз ты смог ускользнуть, но теперь... – глумился он, строя раздражительные рожи, – теперь-то тебе придётся несладко. Да-да, уж поверь, я об этом позабочусь, – растёкся в желчной улыбке Гельдас, доставая из-за пояса два закалённых в жире скорповрана ликирианских тонфа, гравированных матово-чёрными узорами, тянувшимися по затупленной стороне лезвия. Бесшумно и изящно эльф выполнил несколько сложных движений с оружием и скрестил его за спиной, после чего начал важно ходить то влево, то вправо и пристально наблюдать за Даридием.

– Как тебе на вкус ликирианское серебро? – глумливо спросил Гельдас, долго наблюдая за тем, как, борясь со страданием, противник вынимает из жарящихся ран смертоносный металл. И даже когда третье лезвие звякнуло о камень, плоть продолжала пузыриться ожогами и кровоточить, отнимая все силы тела на бесполезное заживление. Раны не затягивались, несмотря на упорные старания Даридия залечить их заклинанием, спасших многих от объятий могилы.

– Это не поможет, демонёнок, – куражился Гельдас. Но его улыбка стёрлась с лица, когда Дэрд, преодолевая боль и сбиваемый дрожью с ног, поднялся с колена. Задыхаясь и теряясь в пространстве от истощения, он, нашёл в себе силы встать, опираясь на меч.

– Не будем же затягивать! – грозно заявил эльф и с противным лязгом чиркнул тонфу о тонфу. Точно тени, шагнув из-за сарая, явилось ещё двое ликирианцев. Обнажив тонфы, они готовы были ринуться в бой, но Гельдас, взмахнул рукой в знак того, чтобы они оставались на местах. Жажда боя раздирала загрубелые жестокие ликирианские сердца. Морк, не покидавший разум Даридия, напутствовал ему применить заклинание, предвещающая ему неизбежное поражение без его помощи. Но увлечённый тщетным исцелением, злостью и задетой гордыней, Дэрд поздно взялся за магические слова, диктуемые древним духом. И когда он намерился отпустить их с языка, его отвлёл знакомый женский возглас. Полудемон невольно обернулся – незнакомка опрометчиво выскочила из-за угла и, увидев его, истекающего кровью, остолбенела в страхе и замешательстве. Гельдас, колко улыбнувшись, запустил руку под плащ.

– Нет! – иступлённо закричал Даридий, отчаянно бросившись спасать женщину от предстоящей подлости ликирианца, но он не мог сравниться, ни со скоростью ножа, ни с бессилием тела. Несчастная жертва даже не успела ничего понять, как лезвие пронзило её сердце. Губы эльфа растеклись в надменной издевательской улыбке. Даридий в беспомощности бросился к женщине; едва напряжённые руки разжали рукоять меча, ватные ноги тут же предательски подкосились. Когда полудемон добрался до жертвы безжалостного ликирианца, жизнь с последним вздохом покинула её тело: уста очернил пурпур, кожу оковал парализующий холод. Дэрд заглянул в стекленеющие голубые глаза незнакомки и смахнул застывшие на её щеках слёзы.

– А ведь я даже не узнал твоего имени, – скорбно прошептал полудемон, чувствуя на себе вину. Она давила на него, вынуждала обречённо смотреть на то, как растёт бордовая лужа вокруг тела. Казалось, в этом маленьком тёмно-красном море исчезли все заботы. Единственное, волновавшее сейчас Даридия – горе, что он впустил в свою душу. Смерть невинной потрясла его до онемения. «Она умерла из-за меня» – настойчиво убеждал себя он. Эта мысль, ввинчивавшаяся в мозг, причиняла куда большую боль, чем те раны, оставленные ликирианскими ножами и рьяно напоминавшие о себе каждую долю секунды.

– Это, конечно же, всё очень трогательно, – усмехнулся Гельдас, – но уже давным-давно пора разделаться с тобой! – грозно заявил он, сбросив плащ на землю.

– Ты... – протянул ненавистно Даридий, испепеляя взглядом ликирианцев. – Ты заплатишь мне за это! – почувствовав прилив кровожадной ярости, пообещал полудемон. Жажда неминуемого возмездия и неуправляемый гнев придали сил (по крайней мере, дали ощущение этого). Морк пытался дозваться Даридия, но злоба, вызванная горечью утраты, точно отгородила его сознание от древнего духа непроницаемым стеклом.

– В самом деле?! – усмехнулся Гельдас, издевательским оскалом вынуждая противника растратить последние силы. Дэрд, подобрав меч, крепко сжал рукоять, готовясь принять удар. Эльф стремительно бросился в атаку, словно неуправляемый штормовой ветер, разрывающий снасти. Изящество и жестокость воссоединились в смертоносном ликирианском танце. Первый удар был отбит – Гельдас отскочил в сторону и продолжил натиск. И во второй раз звякнуло скрещенное оружие. Ликирианец забавлялся со своей жертвой. Тогда Даридий попытался пронзить изворотливого эльфа, но тот легко парировал атаку, и ударил нападающего локтём в челюсть. Защита полудемона была сломлена; клинки как по маслу, скользнули по плоти, оставив жуткую обугленную рану на правом боку. Быстрота и изощрённость, с которой Гельдас выполнил эти хитроумные движения, потрясла бы любого ловкача. Даридий зажал пузырящуюся бордовую борозду, оставленную отравленной тонфой, и сокрушённо опустил на правое колено. Кисть обессилена разжала рукоять вмиг отяжелевшего клинка. Рубец вытягивала последние силы. Ликирианец скорчил раздражительную физиономию и расплылся в триумфальном оскале.

– Насколько это невыносимо – ощущать, как плавятся твои внутренности? А, полудемон? Насколько это больно? – издевательски сквозь зубы процедил эльф, с презрением глядя на врага.

Даридий, издав яростный клич, попытался произнести заклинание, высвобождающее демоническую мощь, но язык словно прилип к небу, сознание затуманилось, слова рассыпались, как ворох сухих листьев. Дэрд, жадно хватая ртом воздух, отчаянно потянулся за мечом, но Гельдас с пренебрежительной ухмылкой выбил его из трясущейся руки противника. Затем он по локоть отсек её и торжественно склонился над поверженным врагом.

– Я обещал, что ты заплатишь мне за это? – язвительно протянул Гельдас, указывая на безобразный шрам на правой щеке. Его слова обожгли злостью. Затем ликирианец приложил тонфу, сверкавшую чёрно-фиолетовыми рунами на лезвии, к кровоточащему обручку левой руки полудемона. Рана зашипела, как масло и вода на раскалённой сковороде. Синевато-аметистовое пламя вырвалось из-под зачарованного лезвия, обращая плоть в безжизненный иссушенный кусочек угля. Стиснув зубы, Даридий терпел изматывающую боль, не позволяя крику потешить самолюбие врага.

– Я всё равно заставлю тебя закричать! – одержимо произнёс эльф и вонзил тонфу противнику в живот. Дэрд зарычал, ухватившись рукой за наточенное ликирианское лезвие. Отравленный металл, словно языки пламени, начал сдирать кожу с ладони, но полудемон старался не поддаваться муке, а сосредоточиться на голосе Морка. Древний дух упорно пробивался к сознанию хозяина через одурманивающий безрассудной жаждой возмездия туман.

– Слушай, слушай меня! – приказывал Морк, расползаясь по разуму пронзающей пеленой. – Если не хочешь, чтобы тебя порубили на кусочки, чтобы эта женщина не осталась неотомщённой, чётко произноси заклинание, которое я тебе скажу!

– Кириш Крадэс Мбрксэ – медленно отчеканил Дэрд, не разжимая зубов. Слабое карминное сияние вспыхнуло в недрах его глаз, меняя радужку из зелёного в фиолетовый. Зрачки сузились до тонких палочек, пуская во все стороны чёрные веточки трещин.

– Кириш Крадэс Мбрксэ! – повторил Даридий. На этот раз так злобно, что кровь у смертного бы застыла в жилах от страха. Внутри трещин возник рубиновый блеск, который вскоре объял глаза алым свечением. Раны чудодейственным образом затянулись, по венам пробежал тусклый пурпурный огонёк. Эльф, оторопев, попытался вырвать из живота полудемона

тонфу, но противник ещё крепче сдавил лезвие, согнув его грани. Ликирианец удивлённо и в то же время разгневанно посмотрел в алые, как огненный закат, глаза своего врага, который неожиданно злорадно надломлено засмеялся. Гельдаса затягивал этот таинственный заколдовывающий блеск демонических очей. Вскоре кровь Даридия начала источать призрачный рваный фиолетовый дым. Внезапно когтистая тяжёлая рука, будто сваренная из железной чёрной чешуи, мощной хваткой сдавила эльфа голень. Ликирианец болезненно сморщился, выхватил из-за пояса отравленный нож и вонзил его по рукоять полудемону в горло. Хватка ослабла, и эльф отскочил в сторону, смотря, как поверженный враг поднимается с земли неведомой тёмной силой. Как будто невидимые руки управляли Дэрдом, точно он безропотная марионетка. От его тела, чёрно-фиолетовыми эфемерными змейками изливался загадочный дым. Эльфы не решались двинуться с места, как будто что-то приковало их к земле, а их души медленно и неумолимо оплетал страх.

Кожу полудемона окутал тёмно-пурпурный эфемерный дым, который быстро обращался в мелкие чёрно-фиолетовые атласные чешуйки. Даридий вырвал нож из горла и сломал его в руке, точно это был тонкий кусочек льда. Затем раздался безудержный надломленный крик и полудемон, приложив ладони к лезвию тонфы, резко вытащил её из живота. Всплеск крови плавно разделился на капли, которые зависли в воздухе и закружились вокруг хозяина. Когда дым рассеялся, Дэрд оказался облачен в рельефную чешуйчатую броню с заострёнными шипами на плечах, локтях, предплечьях, позвоночнике и икроножных мышцах. Голову прикрывал зловещий рогатый шлем, прочно приросший к мускулам лица и шеи. Не заточенная часть тонфы, которую держал тёмный воин в руке, покрылась чёрным металлом в виде узоров, а рукоять закрутилась тугой спиралью. На ней можно было различить рисунок в виде кричащих испуганных лиц призраков и бьющихся меж собой непонятных созданий, плохо различимых в сумраке нависшей тучи. Такой же жуткий узор, но украшал правое плечо рыцаря, правую грудь и ребро. Он тянулся по правой стороне спины, протягиваясь до задней стороны бедра, обнимая его, рисунок заканчивался на правой голени. Предплечья украшали череды черепов и скалящихся морд. Даридий высокомерно засмеялся. Сухой надломленный слегка лязгающий хохот вырвался из-под мрачного шлема. Голос явно принадлежал не ему. Что-то тёмное и пугающее, вибрировало в его отголоске.

– Тонфу! – потребовал Гельдас у своих соратников, с опаской посматривая на тёмного рыцаря. Как только оружие оказалось в руках эльфа, глаза Дэрда вспыхнули ярким рубиновым огнём. Полудемон раскрыл ладонь, вобрал в неё витающие в воздухе капли крови и притянул свой меч с земли.

– Готов взглянуть в лицо ужаса? – усмехнулся тёмный рыцарь, наступая на врага. Голос, принадлежавший Морку, взлетел под самое небо и растворился там, точно гром. Каждый шаг Гельдаса наполнило волнение, в колени проникла лёгкая дрожь. Непослушные пальцы породили неуверенность в победе. Эльфы мешкали.

– Ну же, чего ты ждёшь, длинноухий? Боишься поцарапаться? – поддразнил издёвкой Морк, ловко играя оружием в руках. Гельдас разозлился и кивком головы разрешил своим соратникам действовать. Эльфы окружили тёмного рыцаря, но он даже не обратил на них внимания. Гельдас начал атаку, поддерживаемый залпом из смертоносных ликирианских ножей. Правда, его стремление поубавилось, когда те со звоном отскочили от брони, но эльф не растерял силы, вложенной в стремительный удар обеими тонфами, но, к его удивлению, полудемон отразил удар с такой лёгкостью, будто отмахнулся от назойливой мухи.

– Этого не может быть! – воскликнул ошеломлённо ликирианец, отскочив от врага. По запястьям пробежала болезненная дрожь. Неудача, вызвав у Гельдаса порыв ярости, заставила его вновь броситься атаковать. Но и в этот раз лезвия тонф встретили мощное сопротивление меча Даридия. Враги скрестили оружие, переплелись ненавистными взглядами. В этот момент двое других эльфов незаметно подскочили к тёмному рыцарю и попытались пронзить его со

спины. Тонфы со странным деревянным хрустом впились в плоть. Однако вместо крови, из обугленных ран, разливаясь по воздуху таящими языками, исходил густой чёрно-бардовый дым.

Тёмный рыцарь разразился надменным хохотом, толчком отбросив Гельдаса на землю. В следующие секунды вокруг Даридия в грациозном смертельном танце закружилось двое остальных ликирианцев, бессмысленно кромсая тонфами заколдованную броню, от которой, со звоном отскакивало множество рубящих ударов. Полудемон не сопротивлялся; казалось, ему это приносило нескончаемое удовольствие, словно это беззаботная игра, исход которой уже предопределён и был зрим задом наперёд.

Эльфы, ввергнутые в пучину дикой ярости, безостановочно махали оружием, нанося всё новые и новые раны своему противнику, который злобно посмеивался, пребывая в экстазе от их гнева и кровожадности. Всего лишь какое-то мгновение, и Дэрд оборвал атаки врагов оглушительным звоном скрещенного оружия, отчего они, в свою очередь, ощутили парализующую дрожь в предплечьях, заставившую их обронить тонфы. Как будто, часть силы эльфов перетекла к тёмному рыцарю. Нарастающий обжигающий жар охватил ликирианцев, лишая их возможности потешного наступления.

– Крадэс Хорсэа, – прозвучал сухой надломленный хрип Морка. Эти слова освободили раскаленные клубы фиолетового пламени, хлынувшего волной во все стороны, точно дикие необузданные жеребцы, томившиеся незапамятно в неволе. Эльфы в отчаянии кинулись на землю. Когда пламя обратилось в чёрную дымовую занавесь, стремительно растворяясь и взмывая в поднебесье извилистыми нитями, ликирианцы корчились от мучительной боли, сводившей с ума. Сожженными руками они с истошными воплями взялись за обгорелые лица – их глаза расплавились от неистового жара. Под истлевшими плащами и кожаными доспехами чернели, точно раскаленные головёшки, ужасные ожоги. Начавшийся дождь, точно сочувствуя, уменьшил страдания ликирианцев.

Гельдас застыл в смятении, нервно смотря то на приближающуюся зловещую фигуру Дэрда, то на беззащитных изувеченных соратников. Эльф сложил одну тонфу за пояс и снял, обмотанную вертикально вокруг туловища ромбовидную цепь с гарпунообразным наконечником.

– Я ощущаю сладкий аромат твоего страха, кланяйся мне в ноги, эльф! – высказался язвительным приказом Морк, надсмехаясь над тем, как безысходность сеет в его враге панику.

– Предать самого себя и гордость своего народа?! Ты предлагаешь мне утратить свою честь и жить с ядом позора? Никогда! – бесповоротно заявил Гельдас. Поглощённый иступлением, он снова начал атаковать.

Цепь, словно змея, ринулась вперёд, переворачиваясь в воздухе и звеня наточенными звеньями. Тёмный рыцарь ловко увернулся и успел схватить оружие, пролетевшее возле его лица. Эльф почувствовал, как звенья сдавили ему руку и впились в кожу. Хватка полудемона была настолько сильной, что Гельдас, сам того не желая, начал двигаться за цепью, скользя по промокшей земле. Он отчаянно пытался освободиться от собственного оружия, но металл будто бы вгрызся в плоть. Разрубить цепь тонфой не удалось, а жертвовать предплечьем Гельдас не собирался. Сбрав всю волю в кулак, он одёрнул руку, избавившись от треклятой цепи, оставив ей на растерзание добротный шмат мяса. Отскочив в сторону, ликирианец прижал к туловищу растерзанное бесчувственным металлом предплечье и вооружился убранный ранее за пояс тонфой. Кровоточащая рана забрала желание бросаться в атаку.

– Прежде, чем я вырву из тебя душу, ты увидишь страдания своих соратников! – с упованием пообещал Морк, подступая к обезоруженным эльфам, истязаемых ожогами. Тёмный рыцарь сверкнул глазами и крепко сжал когтями обожженную руку ликирианца. По коже эльфа поползли змеи чёрно-пурпурного пламени, обращая мускулы в пепел. Ликирианец высвободил

из горла душераздирающий вопль, от которого его связки лопнули. Даридий отпустил эльфа, тот сокрушённо упал ниц, разбившись, как глиняная утварь.

Тёмный рыцарь пронзил живот второго ликирианца тонфой. Сочившуюся из раны кровь, полудемон будто приманивал рукой и, разбивая её на капли, поднимал в воздух. Безумно хохоча, тёмный рыцарь схватил напуганного до беспамятства эльфа за горло. После этого Даридий вобрал витающую в воздухе кровь в другую руку и приложил её к груди ликирианца. Вновь пронзительный мученический вопль пронзил окрестности, растворяясь в шуме дождя. Гельдас опустил голову и закрыл глаза, чтобы не слышать этот ужасный крик и не смотреть, как с его соратника облезает кожа. Отбросив в сторону высушенный до хрупкости угля труп эльфа, тёмный рыцарь презрительно ухмыльнулся, говоря так, будто изрекает проклятье:

– Глупая самоуверенность погубит вас, ничтожные твари. Я вырежу таких, как ты, Гельдас, и буду умиротворённо ступать по их останкам!

В этот момент Гельдас убрал с лица прядь намокших волос и, усмирив в душе пыл, с холодной ненавистью посмотрел на своего врага.

– Никогда! – сквозь зубы протянул Гельдас и со свирепым кличем бросился в атаку. Враги вновь сцепились в жестоком яростном танце смерти. Звон металла разносился сквозь ропот дождя, исчезая в мохнатой стене леса. Из раза в раз, недруги скрещивали клинки, выбивая искры из металла до тех пор, пока тонфа ликирианца не разломилась. Такая неожиданность заставила Гельдаса промедлить и стать лёгкой мишенью для тёмного рыцаря. Его тяжёлый кулак с глухим хрустом врезался эльфу в грудь. Дыхание свело, ноги оторвались от земли, тело ощутило невесомость.

Когда Гельдас упал, во рту появился металлический привкус. Эльф перевернулся на бок, зашёлся сдавливающим грудь кашлем и отхаркнулся кровью. В ушах раздражительно звенело. В глазах всё плыло и кружилось. Тёмный рыцарь дождался, когда измотанный противник встанет на ноги, и перерубил ему коленные сухожилия на правой ноге. Эльф беспомощно повалился на мокрую землю, выпустив тонфу из рук. Обвисшая безжизненным куском мяса нога не позволила встать.

Тёмный рыцарь торжественно засмеялся, раздавив сапогом сокрушённому противнику запястье не раненой руки. Потом Дэрд согнулся над ликирианцем, крепко схватил его за промокшие волосы и, приподняв его голову из грязи, грозно спросил:

– Где же теперь твоя напыщенная гордость, а? Я не слышу, ничтожество?!

– Я не сдамся, никогда! – запинаясь, одержимо твердил Гельдас, тщетно пытаясь вытащить свою раздавленную кисть из-под сапога тёмного рыцаря.

– Жалкое зрелище, – с презрением бросил Дэрд, перевернув ногой тело ликирианца на спину. – А теперь я заберу твою душу! – заявил Морк, кулаком пробив Гельдасу грудь и заглянув в его глаза полные панически-страдальческого ужаса.

– Нет! – взлетел под самое небо душераздирающий протяжный крик. В этот самый момент душа – эфемерная кристально-белая дымка с очертаниями своего владельца, вырвалась из разорванной груди Гельдаса и, распадаясь на мелкие тускнеющие ворсинки, утонула в рубинной бездне демонических глаз. Вскоре тело эльфа стало холоднее льда, а кровь очернилась и иссохла. Тёмный рыцарь вытащил из груди мёртвого врага обугленное зачерствелое сердце, которое вскоре размякло под дождём и осыпалось слипшейся чёрной пылью. Дэрд расправил плечи и отозвал тёмный доспех: чешуйчатая броня треснула и начала осыпаться, словно истлевшие листы бумаги.

– Мы победили, – приняв человеческий облик, устало прошептал Даридий. Он всё ещё не верил в происходящее и находился под впечатлением, удивлением и боязнью невероятной мощи Морка.

– Мне нужно восстановить силы, поэтому ближайшие пару недель я буду спать, постараюсь не ввязаться в какую-нибудь историю, ибо каждая смерть делает тебя слабее и тем самым

уязвимее перед твоей демонической сущностью, – апатично пояснил древний дух затухающим в голове гулом. Дэрд, точно пьяный, шаткой походкой добрёл до тела мёртвой незнакомки. Поскользнувшись, он упал возле неё, и точно на прощание, погладил тыльной стороной ладони её ледяные щеки. Конь сочувственно ткнулся мордой в плечо хозяина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.